

84Р6
П80

СОФЬЯ. ПРОКОФЬЕВА

На забытом ЧЕРДАКЕ

Софья ПРОКОФЬЕВА

На забытом ЧЕРДАКЕ

СОБДИМ
Абонемент

Художник Елена Володькина

Москва
ЭНАС-КНИГА
2020

REVISED FEB 1978

УДК 82-053.2
ББК 84(2)-44
П80

Прокофьева, С. Л.

П80 На забытом чердаке / Софья Прокофьева ; худож. Елена Володькина. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2020. – 80 с. : ил. – (Детвора).

ISBN 978-5-91921-889-0

Пятикласснику Саше Кукушкину несказанно повезло: на забытом чердаке он нашёл Волшебную энциклопедию. С помощью заклинаний мальчик теперь может запросто избежать неприятностей вроде двоек по математике.

Но кто же знал, что волшебство – такая капризная вещь? Чуть зазевался – и в квартире поселяются медведи, в городе останавливается транспорт, реки мелеют...

Для младшего школьного возраста.

УДК 82-053.2
ББК 84(2)-44

ISBN 978-5-91921-889-0

© С. Прокофьева. Текст, 2020
© Е. Володькина. Иллюстрации, 2020
© АО «ЭНАС-КНИГА», 2020

Глава 1. Сундучок

Дело дрянь! Надо решаться!

Но то, что Сашка задумал, почему-то нельзя было сделать дома. Нельзя, и всё. Сашка сам даже не знал почему.

И вот его словно каким-то ветром занесло в тёмный подъезд Каткиного дома. Это был, наверное, самый старейший дом в их городе. Только церквушка на том берегу реки, напротив стадиона, была, наверное, ещё старинней.

Сашка попробовал пристроиться к высокому пыльному окну, где в паутине брыкалась и уныло жужжала муха.

Но по старой Каткиной лестнице всё время без толку ходили какие-то люди. Одни вверх, другие вниз. И уже две какие-то старушки подозрительно оглядели Сашку. Потом они с понимающим видом переглянулись и обе покачали головами.

Нет, здесь было неподходящее место. Сашка боялся – только он откроет портфель, тут же из-за его плеча вылезет какой-нибудь длинный нос: «А ты чем тут занимаешься, мальчик, а-а?»

Сашка стал подниматься вверх по лестнице. Но всюду за дверьми были люди.

Они смеялись, разговаривали, что-то заколачивали.

Невольно став на цыпочки, Сашка осторожно прошёл мимо двери, на которой висела табличка:

Зубной врач Петрова

Лечение и удаление зубов без боли

По спине пробежал неприятный холодок.

Из-за двери, обитой толстой чёрной клеёнкой, до Сашки донёсся гнусный скрежет бормашины и чей-то стон.

– И нисколько не больно, – проскрипела доктор Петрова.

Никакая клеёнка не могла заглушить её голос.

Сашка поднялся на самый верх.

Здесь была только одна дверь, забитая грубыми, шершавыми досками. Сашка отодрал доску, державшуюся на ржавом гвозде, и боком пролез на чердак.

На чердаке царил темнота. Свет еле-еле проходил через полукруглое окно, похожее на кошачий глаз.

Из темноты отовсюду вылезал какой-то хлам. От пыли и паутины всё казалось косматым и лохматым.

Велосипед с одним колесом обнял рулём сломанный стул. Сбоку к нему пристроилось потухшее зеркало.

В глубине под досками что-то слабо блестело. Что-то круглое металлическое. Сашка изо всех сил вытянул шею. Не разберёшь: не то самовар, не то рыцарский шлем.

Сашка осторожно протянул в темноту руки и тронул пыльные доски. Неслышно рвалась под пальцами паутина. Кто-то маленький, у кого было очень много ног, побежал по Сашкиной руке прямо в рукав. Сашка яростно затряс рукавом.

Да... Этот чердак непростой! А чего удивляться? В Катькином доме и чердак должен быть не такой, как у других.

Порыться бы тут неплохо. Но только не сейчас. Сейчас не до этого.

Сашка сел на ящик у окна. Вернее, это был не ящик, а какой-то старый, хлипкий сундучишко. Он пронзительно скрипнул, да весь так и заходил под Сашкой, как живой, когда тот на него уселся.

Со вздохом, похожим на стон, Сашка вытащил из портфеля дневник и раскрыл его.

Сердце тоскливо сжалось.

Вот она, проклятая. Двойка. Стоит себе как миленькая. Такая закорючка, а всю жизнь человеку портит.

А ведь до этого всё было просто прекрасно. До Сашкиного дня рождения оставались всего пятница и суббота. Надо было только их как-нибудь прожить, протерпеть, и всё. Ну, спать, что ли, побольше, чтобы время поскорей прошло.

А в воскресенье папа обещал покатать весь Сашкин пятый «А» на своём катере «Степан Разин». Папа был там капитаном.

И Сашка миллион раз представлял себе, как он стоит на носу катера рядом с Катей. Лёд сошёл совсем недавно. Ещё вполне может пойти дождь, а то и снег.

Он дожждётся, когда Катя как следует промёрзнет, задрожит, как овечий хвост, и её знаменитая чёлка намокнет.

Тогда он снимет с себя и отдаст ей всё: и шарф, и пальто, и шапку. И Катя поглядит на него своими светлыми взрослыми глазами.

А может быть, и спасти её удастся. Вдруг повезёт, и она свалится за борт. В крайнем случае дать ей как-нибудь пинка незаметно. Борька начнёт кричать, придумывать что-нибудь умное. А Сашка нет, он думать не будет. Он – раз за борт, и спасёт. А когда уж он её спасёт, всем будет наплевать, как она там очутилась.

Но теперь всё лопнуло. Потому что папа был просто какой-то ненормальный с этой математикой.

Нет, это не зря говорят, что понедельник – самый несчастный день. Контрольная была как раз в понедельник. И вот пожалуйста – двойка.

Сашка проглотил колючую слюну. Он решительно вытащил из пенала ластик, потёр грязный уголок о штанину и, задержав дыхание в груди, осторожно стал стирать двойку.

Стирать её надо было ой как осторожно. Бумага так и сходила плёнками.

Сашка поёрзал на сундуке, чтобы усесться поудобней. Но вдруг под ним что-то хрюкнуло, хрустнуло, подломилось, и Сашка ухнул вниз, прямо в сундучок, так что ко-

ленки оказались выше головы. Острая щепка упёрлась в бок. А слева был ещё гвоздь. Он прошёл через штаны и немного уже вошёл в Сашку.

Сашка глянул на дневник и с шипением втянул в себя воздух. На месте двойки чернела дыра.

Он яростно и бестолково забарахтался, стараясь вылезти из сундучка.

Сам всё испортил! Такой дневник и вовсе папе не покажешь. По этой дырке кто хочешь сразу обо всём догадается.

Наконец Сашка с трудом встал на ноги. Не выдержав, со злостью изо всех сил ударил сундучок ногой. Сухие звонкие доски развалились, разлетелись в стороны.

Вот тут-то Сашка всё и увидел.

На дне сундука горкой, одна на другой, лежали какие-то удивительные книги.

Книги были непростые. Это Сашка сразу понял. Наверное, таких ни в одной библиотеке не сыщешь. Разве только в музее.

Книги были старинные, даже совсем древние. С застёжками из меди, а может, и из золота. А уж толстые! Одна книжечка – как папин портфель.

Двумя руками Сашка с трудом поднял верхнюю книгу. До чего ж тяжёлая! А пылищи на ней...

Сашка плюнул на обложку и растёр рукавом.

На старой тёмной коже блеснули глубокие золотые буквы. Сашка прочёл:

«Полная Волшебная Энциклопедия»

Внизу блестели золотенькие буквы поменьше.

В шести томах.

Том I.

Эти слова как-то не сразу дошли до Сашки, и вдруг словно взорвались в нём. Сашка покачулся. Его руки судорожно вцепились в книгу, будто она могла вырваться от него, удрать или улететь, как птица.

Тихонько, осторожненько, боясь дохнуть, Сашка открыл книгу. Буквы так и запрыгали у него перед глазами: тяжёлые, красивые, все в завитушках.

«Ведь-ма о-бык-но-вен-ная», – по складам прочёл Сашка. В голове было пусто и гулко. – Ух, ты! Ведьма! А в скобках вон ещё написано: «На помеле и без помела». «Волшебники добрые», «Волшебники злые». «Вруны и враньё». И ещё стихи какие-то.

Не веря своим глазам, Сашка прочёл:

Волки, войте на луну!
Раки, ползайте по дну!
В полночь каркнет вороньё,
И станет правдой всё враньё!
Окер-покер, Доминокер,
Спин-спан, Мускидан.

Этот «окер-покер» вдруг как-то остро огорчил Сашку. Он как-то всё испортил. Из-за него всё сразу стало каким-то дурацким, несерьёзным. Разве так должно быть, если всё настоящее, волшебное?

Сашка стал читать дальше:

«Примечание I. О, врун! Твоё враньё станет правдой, только если тебе поверят. Если тебе не поверят, твоё враньё останется просто враньём.

Примечание II. О, несчастный! Если ты, сгибаясь под тяжестью вранья, захочешь, чтобы всё было опять как прежде, то...»

Дальше почти ничего нельзя было разобрать. Низ страницы был весь в дырках и пятнах. Как будто книгу грызли мыши. Да ещё к тому же кто-то из волшебников читал её за обедом и переворачивал страницы жирными пальцами.

Сашка с трудом прочёл:

Мне свидетель звёздный Лев
Свет Стрельца и Водолея!

Волшебства сломай печать!
Только жи... не жа...
И себя преодо...
Смо... сно... всё на...

Нет, ничего толком не разберёшь, особенно последние строчки.

Но Сашка не стал ломать голову, догадываться, что там написано. Подумаешь, звёздный Лев какой-то... Чепуха!

Главным было совсем другое. Волшебство! Неужели и вправду... оно существует?

Сашка задохнулся. Он шагнул к окошку, высунулся и жадно глотнул острого, холодноватого воздуха.

Он увидел пустой солнечный двор. Красный зонт переходил улицу. В доме напротив на балконе какая-то тётя

с голыми руками, закутав голову тёплым платком, била палкой ватное одеяло. На карниз сел такой славный воробей. Потом прилетел раскормленный жирный голубь.

Всё было совсем простое, обыкновенное. Да нету никакого волшебства. И быть не может. Это ещё Анна Семёновна в школе объясняла. Откуда ему взяться?

Сашка оглянулся во тьму чердака. Может, и книг нет никаких, просто померещилось?

Но нет. Старые книги по-прежнему лежали среди груды досок, всё так же важно и слабо поблёскивая из темноты медью застёжек.

Так... А их, что ж, выходит, просто так писали? Для шуточек?..

Нет... Может, оно всё же есть, это волшебство. Ну, не на солнышке, не во дворе, а ночью или тут, на чердаке. А что? В этом доме прежде жил волшебник. Потом он умер, потому что волшебники ведь тоже умирают, и вещи его снесли на чердак. А может, он и просто так приходил сюда поколдовать, потому что при соседях неудобно. Похоже, что всё было именно так. Ну, а если это правда, то тогда, тогда...

Всё равно, как бы то ни было, а заклинание надо прочесть. Хотя бы на всякий случай...

Сашка не своим, каким-то охрипшим голосом прочёл:

Волки, войте на луну!
Раки, ползайте по дну!
В полночь каркнет воронья,
И станет правдой всё враньё!
Окер-покер, Доминокер,
Спин-спан, Мускидан.

Никогда Сашка так не старался. Даже когда читал в школе на вечере «Белеет парус одинокий». Его голос звучал как-то очень странно на чёрном чердаке. Вспугнутая темнота шевелилась в углах.

Сашка бережно закрыл книгу, положил её к остальным и сверху завалил досками. Ему показалось, что доски снизу слабо светились красноватым светом. Нет, это просто луч солнца как-то продрался сквозь пыльное окошко и стрельнул в глубь чердака.

Сашка дрожащими руками сунул дневник в портфель, неуклюже пролез в щель и снова заложил её корявой доской.

Глава 2. Великое разочарование

Сашка с трудом спускался по ступенькам. В ногах была какая-то дрожь и слабость.

На третьем этаже Сашка нос к носу столкнулся с Лёлькой, Катиной сестрой.

Вообще-то он этих первоклашек просто сметал со своего пути.

Он двигался прямо на них, как танк, и это уже было их личное дело – разбежаться, отскочить в сторону или попасть под танк. Он никогда на них и не глядел даже. Они все казались ему одинаковыми, на одно лицо.

Но Лёлька как-никак приходилась Кате сестрой. Поэтому Сашка один раз всё-таки поглядел на неё и вдруг ужасно её пожалел.

Она была совсем маленькая, наверное, меньше всех в классе, задохлик какой-то. С острым носом и прозрачными глазами. Двух верхних зубов у неё не хватало, и Сашка от этого жалел её ещё больше. Она вечно ревели во дворе из-за всякой чепухи. Катя на это не обращала никакого внимания, даже головы не поворачивала, будто не слышала. Но у Сашки почему-то от её рева портилось настроение.

Сашка, конечно, стеснялся утешать её при Катке, иногда он даже думал, что неплохо бы и ему как-нибудь обзавестись такой сестрёнкой.

– Ты грязный, – робко сказала Лёлька.

Сашка ударил себя руками по бокам, и из него во все стороны полетела пыль. Но он только рассеянно посмотрел, как она тает в воздухе.

«На Лёльке испробую... – вдруг решил Сашка. – Она подходящая... Она чему хочешь поверит. Ведь тут главное, чтобы поверили...»

– Лёлька, – с трудом выговорил Сашка. У него словно язык распух. – Я сегодня пятёрку по математике получил. Пятёрку.

Сашка напряжённо вглядывался Лёльке в лицо. Ему хотелось вдолбить в неё это слово.

– Пя-тёр-ку! – повторил Сашка.

Лёлька посторонилась, чтобы пропустить его. В её лице мелькнул испуг. Чего это он с ней разговаривает? По-говорит, а потом как нападдаст...

– Ой, ты... – тихо сказала Лёлька и прижалась спиной к тёмной стене. – А я тройку по чистописанию...

Сашка бросился мимо неё вниз по лестнице.

«Поверила, поверила! – повторял он про себя, прыгая по ступенькам. – Она такая. Теперь всё. Теперь у меня в дневнике пятёрочка. Заполучил. Это уж точно!»

Портфель сразу показался ему тяжелее. Он словно увидел эту пятёрку, огромную, золотую, прямо во весь портфель.

Ручка портфеля так и жгла ему пальцы.

Сашка пулей вылетел во двор.

Во дворе было солнечно и тихо. Мимо уха сладко и сонно пропела пчела.

Сашка вломился в кусты, хрустя ветками, продрался к самому забору. Из-под куста, шипя, вылетела худая серая кошка, держа что-то в зубах. Сашка так вздрогнул, что чуть не выронил портфель.

Голые, без листьев, ветки плохо загораживали его. Конечно, его могли увидеть и с улицы, и со двора. Но Сашка

не стал искать места поукромней. Он упал на колени и дрожащими пальцами стал расстёгивать и дёргать портфель. Вытащил дневник. Пальцы были как варёные. Толстые, нескладные. От нетерпения рот у Сашки пересох, будто он съел промокашку.

Дневник перелистывался невыносимо медленно.

Неделя.

Ещё неделя. Ну же, ну! Вот!

Сашка вяло выпустил дневник из рук. Никакой пятёрки не было и в помине. В дневнике по-прежнему зияла треугольная рваная дырка. От разочарования и яркого солнца слёзы навернулись на глаза и потёк нос. Эх!.. Чему поверил! «Океру-покеру»! Вот Борька умный, он бы никогда не поверил... Если бы Катя узнала, во было бы смеху!

Познакомьтесь, пожалуйста, будьте любезны! Волшебник Саша Кукушкин из пятого «А»!

Весь класс бы под парты свалился.

Глава 3.

Пятёрка по математике

Дома никого не было. Сашка прошёл на кухню. Тронул пальцем окоченевшие макароны на сковородке. Есть совсем не хотелось.

Прямо в ботинках лёг на диван.

Как уговорить папу? Конечно, если на это дело мобилизовать маму... Но всё равно, папа такие слова знает... Лучше ежа проглотить, чем их слушать.

Сашка повернул голову и в тоске укусил подушку.

В папа-маминой комнате зазвонил телефон. Сашка еле сполз с дивана. Он весь разъезжался в разные стороны, как тесто.

– Саша? – спросил знакомый, немного железный голос.

– Я, Анна Семёновна, – убито сказал Сашка. Чего ещё ей надо? Поставила двойку – проходи!..

– Родители дома? – спросила Анна Семёновна.

«Нажаловаться хочет», – ужаснулся Сашка.

Сашка с ненавистью представил себе её бледное полное лицо. А ведь когда он получал пятёрку, лицо Анны Семёновны почему-то казалось ему самым милым, самым удивительным на свете.

– Никого нет, ушли, – сказал Сашка.

– А когда я смогу их застать?

– Не знаю. У папы... неприятности на работе... – со-
врал Сашка. – У мамы... тоже... Нет, у неё приятности...
К ней приезжает... ну это... брат! Она его десять лет
не видела. Нет... двадцать. Она, знаете, забегалась...
Не знаю.

– Жаль, – уронила в трубку Анна Семёновна.

«Жалей себе на здоровье», – со злостью подумал Сашка.

– А я хотела рассказать Виктору Николаевичу о твоих успехах... Последнее время он всё волновался за математику. Ну, хорошо, ты сам расскажешь ему о сегодняшней пятёрке.

– О пятёрке?! – захлебнулся Сашка и сел на пол. Телефонная трубка рыбкой выскользнула у него из рук и теперь покачивалась, вращалась на перекрученном шнуре перед самым его носом.

– Саша! Саша!.. – замирал в трубке голос Анны Семёновны. Потом послышались короткие гудки.

Значит, всё. Значит, так. Значит, если бы не дырка, то там была бы уже не двойка, а пятёрка. Получается, что волшебство всё-таки есть. Существует! Но если так... Тогда...

В дверях завозился ключ. Щёлкнула и скрипнула дверь.

– Я просто забежалась... С ног сбилась... – сказала мама в передней. Голос был весёлый.

Мама вошла в комнату. Папа втащил за ней две раздутые сумки.

– Встать с полу! – сказал папа.

Любит папка командовать. Никогда не скажет «встань с полу» – всегда «встать».

Сашка встал и тут же, как подкошенный, повалился на диван.

– Сашенька, телеграмму видел? – спросила мама.

Она взяла со стола какую-то бумажку и бросила Саше. Бумажка перепорхнула Сашке прямо в руки. Сашка развернул её и прочёл:

«Приезжаю пятого целую обнимаю Машу Виктора племянника Семён».

5 5 6 6 2 6

– Уж-жасно хочу видеть Семёна... – с наслаждением сказала мама. – Брат всё-таки, не кто-нибудь. Подумать только, десять лет не виделись, какое там, почти двадцать. Бродяга несчастный, по всему свету его носит. Наконец-то и мы дождались... удостоились... Мне, наверное, неделю надо, чтобы с ним наговориться.

Сашка в полном изумлении уставился на маму. Шутит она, что ли? Какой ещё брат? Она же всегда говорила: «Я одна дочка у мамочки».

Не может ведь волшебство на маму действовать, не должно. Это же ерундистика какая-то. Ну, ещё там на Анну Семёновну, на школу, на отметки. Это ещё туда-сюда. Но на маму? В этом было что-то неприятное для Сашки. Может, двоюродный какой?

– Интересно, сколько он здесь пробудет? – сказал папа. – А то мы его в воскресенье с собой утащим, а, Саш?

– Ты лучше за детьми смотри, – сказала мама. – Когда у нас на плотине экскурсия, мы прямо дрожим, чтобы дети куда-нибудь не попадали.

– Уж как-нибудь, – засмеялся папа.

«И пусть попада́ют», – подумал Сашка.

Сашка вообще-то их очень любил. И папу, и маму. Одинаково, ну, может быть, на одну только капельку маму побольше. Но сейчас они оба были какие-то ненастоящие, полупрозрачные. Как куски воздуха.

– И как нарочно у меня сегодня выходной, – всё смеялась и радовалась мама. Она вынимала из сумки закорючки бананов, бутылки и консервы. – Виктор, и ты на работу не ходи. Отпросись раз в жизни. А Семён, чудище лесное, не пишет, во сколько часов приходит поезд.

– Не знаю, – сказал папа странным голосом. Он держал себя пальцами за нос и рассеянно потягивал его то в одну сторону, то в другую. – Как они там без меня справятся? На погрузке.

– А ты что молчишь, Саша? – вдруг спросила мама и посмотрела на Сашку.

Сашка почувствовал, как в него упёрлись два горячих луча. Сашка хотел сказать что-нибудь, хотя бы «да» или «нет», но изо рта только вылетел негромкий сдавленный хрип.

– Саша, что случилось? – слабым голосом сказала мама и села на стул.

Мама никогда не кричала, как папа. С угрожающим видом, тяжело дыша, не расстёгивала ремень. Но она каким-то образом ухитрялась видеть Сашку насквозь, будто Сашка был стеклянным и прозрачным, как стакан.

Она догадывалась обо всём, доводя Сашку до иступления и отчаяния. А потом начиналось! Мама могла огорчиться из-за любой ерунды, на которую всякий нормальный человек попросту махнул бы рукой. Она могла даже

назло Сашке взять и заплакать. Настоящими слезами. Достать носовой платок, всхлипывать и вытирать слёзы. Хотя прекрасно видела, что для Сашки это самая лютая пытка.

Сашка был живой человек. А ведь с живым человеком всякое случается. Те же двойки, наконец. Ну зачем, зачем вообще о двойках говорить маме? Огорчать только.

Двойка должна быть великой тайной, о которой знают только двое: кто поставил и кто получил. Да мало ли что ещё бывает...

– Мамочка, – покаянно начал Сашка. – Ты только не очень...

– Мороженое! – вдруг вскрикнула мама и, выхватив из сумки белые пачки, побежала на кухню к холодильнику. А мороженое капало на пол крупными пухлыми каплями.

«Пронесло», – с облегчением подумал Сашка.

– Ну, – сурово сказал папа и сложил руки за спиной. – Я жду. Опять что-нибудь в школе?

Ну, с отцом было куда легче.

– Чего это мама... Всегда она... – проворчал Сашка, – у меня пятёрка по математике. Тебе даже Анна Семёновна звонила. Только тебя не было.

– Пятёрка? – расцвёл папа. – Вот это по-нашему. Молодец, парень.

– Маша! – крикнул папа на кухню. – Слышишь? Александр по математике пятёрку принёс.

– Можно погулять? – крикнул Сашка.

На кухню он не пошёл, чтобы не рисковать. От маминих глаз лучше было держаться подальше.

– Пусть погуляет. Погода хорошая, – сказал папа.

– Ненадолго, – разрешила мама.

Глава 4. Надо ещё подумать, о чём врать

Сашка шёл по двору и ничего не видел вокруг себя. Он бы мог сейчас налететь на скамейку, на забор, свалиться в яму. Если бы с неба сейчас грянул гром, он бы его просто не услышал.

Вокруг Сашки плескалось бурное море возможностей.

«Первое дело – легковушку. “Волгу” или “Москвича” на крайний случай... – прикидывал Сашка. – Нет, это, пожалуй, не выйдет. Во-первых, никто не поверит, что она у меня есть. А если поверят, всё равно народ приставу-

чий и привяжутся: "Откуда?" Ну ладно, тогда деньги. Много. Мешок. Скажу – клад нашёл. Тут уж никто не подкопается. Само собой, шоколад и мороженое – это уж ящиками. У мамы день рождения. Узнаю, чего ей хочется, и навру. Папе тоже что-нибудь навру. Хорошее...»

Тут Сашка споткнулся обо что-то и как будто проснулся. Он стоял обеими ногами в луже.

Конечно, лучше всего рассказать обо всём маме и дальше уже врать всем вместе. Всей семьёй. Это бы было просто замечательно. Но ведь с мамой каши не сваришь. Она, конечно, огорчится, будет умолять не врать, Волшебную энциклопедию сдадут в районную библиотеку, и всё будет кончено.

Сашка снова задумчиво зашлёпал по лужам, что-то мучило его во всём этом, что-то получалось не так хорошо и складно, как бы ему хотелось. Наверное, потому, что теперь у него была тайна. И теперь придётся скрывать от мамы не какую-нибудь ерунду, разбитое там окно или драный локоть, а то, что стало отныне самым главным в его жизни, – Волшебство.

И поэтому выходило, что папа и мама теперь вроде как лишние в его жизни и даже мешают.

«Мало ли что враньё. Враньё – оно тоже разное. Буду врать только про хорошее... – утешал себя Сашка. – Буду как добрый волшебник...»

Конечно, можно наврать, что Борька поглупел. Пусть станет дурак дураком. Но Сашка этого не сделает. Он лучше наврёт кому-нибудь, что Катя обещала его поцеловать. Он подойдёт к ней, когда она будет совсем одна, и скажет так небрежно: «Если не ошибаюсь, ты мне что-то обещала?»

Тут уж Кате не отвертеться. Или вообще наврёт, что Катя его любит. Пускай любит, жалко, что ли.

Сашка не выдержал и захохотал. И тут же получил в ухо.

Перед ним стоял Гришка.

Гришка был всего-то на каких-нибудь два обыкновенных года старше Сашки. Но это был Гришка, и его знали все на много кварталов кругом.

Про него ходили самые невероятные слухи: что он бреется, что он курит, что его лучший друг сидит в тюрьме за ограбление ларька с газировкой. Вокруг него было всегда мёртвое пространство на длину вытянутой руки – он мог двинуть кулаком каждого.

Отца и матери у Гришки что-то не было видно. Наверное, они удрали от него, как только он родился.

Гришку воспитывала тётка, та самая, которую боялся весь двор, – зубной врач Петрова. И на Гришке лежала отталкивающая и пугающая слава его тётки. Тётка его была как судьба. Она принимала и на дому, и в поликлинике, и поэтому рано или поздно всех приволакивали к ней на приём. Гришка вырос под скрежет бормашины, наверное, потому он и стал таким. Он на всё вокруг смотрел со злобой, тоской и отвращением.

Сашка согнулся и прикрыл рукой лицо. Но не успел. Он получил второй удар – прямо в зубы.

– Ты чего? Я к тебе лез, да? – с трудом выговорил Сашка эти вечные слова, которые всегда говорит в драке слабый.

Гришка повернулся и лениво зашагал к дому. Даже со спины было видно, что ему всё на свете противно.

Сашка попробовал губу языком и пальцами. Губа вздувалась всё больше и больше. Как будто под ней работал вулкан. Но Сашка тут же забыл о ней. Он вышел со двора, и ноги сами повели его знакомым путём – во двор к Кате.

Он ещё из-за забора увидел их обоих. Катю и Борьку. Они сидели на рябой, облезшей за зиму скамейке.

«На кой они нужны, эти скамейки? – вдруг со злобой подумал Сашка. – Свезти их со всего города куда-нибудь на свалку, и сжечь».

Катя и Борька сидели далеко друг от друга, на разных концах скамейки, но перед ними на сухом местечке стояли их портфели, рядышком, прислонившись друг к другу.

Это почему-то показалось Сашке отвратительным, и, подходя к ним, он отшвырнул ногой Борькин портфель.

– Ну ты, полегче... – сказал Борька, как всегда наклоняя голову набок. Это она у него, наверное, от ума набок свешивалась.

– Что это у тебя с губой? – спросила Катя.

Чёрная с блеском чёлка падала Кате на самые глаза, и она, чуть выпятив нижнюю губу, ловко сдувала её в сторону.

– За Гришку зацепился, – небрежно ответил Сашка и сплюнул.

Катя усмехнулась и посмотрела на Сашку своими светлыми взрослыми глазами. Она в упор смотрела на его разбитую губу. Рассматривала её. Будто в Сашке ничего другого интересного не было.

– Ха-ха-ха! – не засмеялся, а закричал Сашка. Ему совсем не было смешно. – А ты видела, что я с ним сделал? Отбивную котлету, компот! Он так! А я ему так! Он так! А я ему в нос!

Сашка прыгал и размахивал кулаками. Насмешка в глазах у Катьки угасла. Теперь она смотрела на него по-другому, внимательно и даже с интересом.

– А правда, мальчики, чего он задирается? Пройти нельзя. Вчера мою Лёльку-дуру в лужу пихнул.

– Теперь не попихается, – пообещал Сашка.

– А не врѣшь? – спросила Катя.

– Очень надо. Не веришь – спроси у его тётки. Она из окна всё видела. Как выскочит, даже пальто не надела, и прямо на меня. А я от неё. А она за мной. Думал, на куски разорвѣт.

– Точно. Она такая, – убеждѣнно сказала Катя.

– Разбойник! – закричал Сашка тонким голосом, изображая Гришкину тётку. – Мальчику моему, Гришеньке, нос разбил! Всё равно изловлю!

Из-под скамейки на брюхе выполз Борькин пѣс, чѣрный пудель Рекс, и с отвращением посмотрел на Сашку мудрыми слезящимися глазами.

– Умный, – сказал Борька и погладил Рекса. – Поумней многих двуногих.

«Намекает, – обозлился Сашка. – Сам умный, так ему ещё умную собаку подавай».

– Катя, пошли на реку, – лениво сказал Борька, – говорят, церквушку на том берегу затопило.

Это было для него хоть бы что – позвать Катю на реку. Сашке, конечно, он и не подумал предложить пойти с ними.

Сашка представил себе, как Борька и Катя идут по набережной. Рядом. А набережная такая длинная. Они будут весь день ходить. А потом на набережной зажгутся фонари. Они зажгутся длинной-длинной светлой цепочкой, которой тоже не будет конца. Нет, он не мог этого допустить.

– Ничего там уже нет, – соврал Сашка. – Я был на реке сегодня. Сошла вода.

– Когда это ты успел? Ты же в школе был? – сощурилась Катя.

- Значит, успел, – загадочно сказал Сашка.
 - Я же предлагал вчера, – сказал Борька. – Но у вас, мадам, не было настроения.
 - Подумаешь, каждую весну половодье.
- Катя нагнулась и стала гладить голову Рекса, пригибая её книзу.
- Умираю, собаку хочу, – сказала она. – Дома всем жизнь отравила. Когда я начинаю говорить о собаке, все просто уши затыкают. Мне нравится, когда идёт девчонка, а на поводке собака. Только не малявка какая-нибудь, а большая псина. Красиво.
 - Дама с собачкой, – усмехнулся Борька.
 - Но мама пока предлагает кошку, – вздохнула Катя.
 - А ты попроси лошадь, – посоветовал Борька. – И тебе купят собаку.
- Катя негромко рассмеялась, искоса посмотрела на Борьку.
- Нет, у них была своя жизнь. Как будто невидимая стена стояла между ними и Сашкой. Они находились по одну сторону, а Сашка по другую. И он больно ощущал это.
- Подумаешь, кошки, собаки! – захохотал Сашка, стараясь разрушить эту стену словами, хохотом, развязными движениями. – А у меня дома медведи, обезьяны... попугаи! Вот!
 - Врёшь, – не очень уверенно сказала Катя.
 - А вот и нет, – Сашка шёл напролом. Назад пути уже не было. – У меня дядя – укротитель. Он по всему Союзу ездит. А сейчас к нам приехал.
 - Со всеми зверями? И прямо к вам? – в притворном ужасе вытаращил глаза Борька.

– Много ты знаешь. В цирке места нет. Карантин какой-то. У всех зверей температура. Коклюш звериный, что ли. Ну, почём я знаю. Болезнь какая-то объявилась новая. Вот он и к нам.

Одного он добился. Катины глаза были прикованы к нему. Жадно, с интересом. И он не мог упустить эти глаза.

– А ещё он мне привёз в подарок двустволку -настоящую! – захлёбывался Сашка. Он словно летел куда-то. – И патроны... И патронташ. Она у нас на стенке висит. Заряженная. Настреляемся теперь. Вволю... сколько хочешь... А ещё... А ещё у нас дома...

Сашка мучительно напрягся, но всё равно ничего не мог так быстро придумать.

– А ещё!.. Вот такой большой... С ушами... С мотором... Придётся, сама увидишь.

Перед глазами Сашки, застилая всё небо, пролетел дирижабль, похожий на огромный серебряный огурец. Высоко подпрыгивая, проскакал кенгуру, пронеслась пушка, изрыгая огонь.

– Миномёт... Самолёт... Кенгурёт... – задыхаясь, выкрикивал Сашка.

– Заврался, – вдруг трезво сказал Борька. – Так-таки миномёт? Признайся, что атомная пушка.

– И не заврался, – закричал Сашка. – Мой дядя...
И тут он увидел своего папу.

Папа шёл по улице очень быстро, деловито, не глядя по сторонам.

– Я мигом... – сказал Сашка и побежал за папой. Вообще-то сейчас папа был ему совершенно ни к чему.

Просто он хотел выгадать время и придумать, что бы такое соврать поинтересней.

Сашка догнал папу и придержал его за рукав.

– Ты куда? – спросил Сашка. – А дядя Сёма?

– Неприятности... – рассеянно сказал папа. Он не замедлил шага.

Сашке пришлось почти бежать с ним рядом, чтобы не выпустить его рукав. При слове «неприятности» сердце Сашки странно и нехорошо ёкнуло.

Что-то знакомое было в этом слове, но что, Сашка сейчас не мог вспомнить.

– «Степан Разин» куда-то подевался. Вышел с базы и пропал. Чёрт-те знает, где его носит. Час назад должен был быть в порту на погрузке, – сказал папа как-то не Сашке, а самому себе.

Из-за угла, переваливаясь, выехало такси, обдавая тротуар плоскими веерами брызг.

Такси окатило старушку в длинном пальто и маленькую девочку в розовом капоре. Девочка обрадовалась и засмеялась. А старушка что-то сердито закричала шофёру, грозя маленьким кулачком, жёлтым, как лимон.

– Такси! Такси! – как сумасшедший закричал папа и бросился через улицу прямо по лужам, размахивая портфелем.

Старушка перестала сердиться и тоже засмеялась.

Сашке всё это ужасно не понравилось.

И что его папа бежит прямо по лужам и обрызгал сзади серые брюки грязными кляксами и что над ним все смеются.

Резко хлопнула дверца такси. Папа даже не оглянулся. Такси укатило.

Неприятности... У папы неприятности...

Ох! Да ведь это он сам наврал их папе. Когда ещё с Анной Семёновной говорил. Но ведь он же тогда не знал, что его враньё волшебное. Он просто так соврал. А может, ничего такого? Ну, опоздал немного «Степан

Разин». Подумаешь. Река разлилась. Может, от этого путь удлинился?

Сашка медленно побрёл назад.

На скамейке никого не было. Это была самая пустая скамейка на свете. Просто необитаемая скамейка. Как будто на ней никто никогда не сидел, ни один человек.

Кати с Борькой и след простыл. Словно сквозь землю провалились вместе. Не было и портфелей. В грязи виднелись две пары следов, рядом – цепочкой – мелкие, собачьи. Следы доходили до сухой асфальтовой дорожки и там пропадали.

Сашка бегом пустился по дорожке, обогнул дом. Никого. Пустыня.

Добежал до Борькиного дома. И там никого.

Вернулся назад. Во дворе гуляла никому не нужная Лёлька. Увидев Сашку, для безопасности зашла на самую середину лужи, где поглубже, и застыла там на одной ноге.

«К Борьке уроки пошли учить. Нарочно. Назло... – с ненавистью подумал Сашка. – Ладно. погоди. Навру тебе ещё что-нибудь. Попрыгаешь ещё у меня...»

Ему хотелось опять почувствовать себя счастливым и могущественным, как ещё совсем недавно, но он ощущал только пустоту и усталость.

«Поем, отдохну и тогда ещё навру...» – подумал Сашка и пошёл домой.

«Зря я это про папину работу придумал...» – подумал Сашка, поднимаясь в лифте. Лифт спокойно и равнодушно вёз его наверх.

«Да ничего не будет, – успокаивал себя Сашка. – Ну, куда денется целый катер? Что его, украдут, в карман

сунут? И утонуть не утонет. Надо лучше подумать, о чём врать. Это только дураки думают, что врать просто...»

Лифт дрогнул и остановился. Сашка вышел из лифта и увидел, что дверь в его квартиру открыта.

Глава 5. Дядя Сёма

Правда, дверь в квартиру была открытой.

«Ага, папа какой... – подумал Сашка. – А если бы я так? Представляю, вот был бы концерт!»

Сашка шагнул в переднюю и почему-то не узнал её. Он даже подумал, что по ошибке зашёл в чужую квартиру. Сашка хотел уже незаметно уйти, пока его не приняли за жулика, как вдруг увидел в углу свои старые лыжи, а на вешалке пёстрый мамин передник.

А... вот в чём дело. В квартире пахло как-то остро и незнакомо. Не поймёшь чем. Этот запах его и сбил с толку. Никогда у них в квартире так не пахло.

Сашка несколько раз потянул носом. Прислушался, – в глубине квартиры что-то негромко шелестело, шуршало, двигалось, задевая за стены.

Дрожь прошла по спине у Сашки. Он невольно сделал несколько шагов назад к двери.

В это время в переднюю из тёмного коридора вышел удивительный человек.

Он шёл необычайно легко, на носках, покачивая руками, как будто плыл по воздуху. Увидев Сашку, он прижал одну руку к сердцу, другую откинул в сторону и вдруг низко и церемонно поклонился Сашке. Вместо его лица

Сашка увидел желтоватую круглую лысину. Лысина показалась Сашке чуть-чуть прозрачной.

Всё это было совершенно дико и фантастично.

Удивительный человек выпрямился. Сашка увидел его юные глаза и большой квадратный нос, который снизу, как две подставки, поддерживали чёрные усики.

Странный человек улыбнулся.

Сашка удивился ещё больше, потому что этот странный человек улыбался маминой улыбкой. И хотя он был совсем, ну просто нисколько не похож на маму, всё равно он улыбался совсем как мама.

– Племянничек, ага... – сказал странный человек, наклоняя голову и внимательно разглядывая Сашку. – Вот ты какой. Мамино сокровище... Ну, ну... Что ж, давай знакомиться. Я твой дядя. Можешь звать меня просто дядя Сёма.

Тут дядя Сёма наклонился и поцеловал Сашку в щёку. Потом ласково потянул его за ухо.

– А у меня история, понимаешь, – дядя Сёма развёл руками. – Приехал сегодня – здрасте! В цирке карантин. Болезнь какая-то объявилась новая. Коклюш звериный, что ли. У слонов температура. Львы в бреду. Крокодил и директор цирка в обмороке. Нет, ты слышал что-нибудь подобное?! Такое и во сне не привидится. Не мог же я сидеть со своей компанией на улице. Вот и махнул прямо

сюда, к сестре. Смотрю, никто не открывает. Хорошо, соседка, такая милая женщина, ключи от квартиры дала.

И тут Сашка увидел, что на плече у дяди Сёмы, неведь откуда взявшись, появилась обезьяна. Не очень большая, но совсем настоящая, живая обезьяна. У обезьяны были руки, похожие на ноги, ноги, похожие на руки, и милая старушечья мордашка.

Обезьяна потёрлась носом о щёку дяди Сёмы, а тот, будто так и надо, рассеянно, не глядя, пощекотал ей живот и оглянулся.

– Телефон у вас где? – спросил он.

Сашка никак не мог прийти в себя от изумления. Он стал просто как деревянный. Он с трудом кивнул своей деревянной головой и указал негнущейся рукой в глубь коридора.

Дядя Сёма улыбнулся маминой улыбкой и сунул обезьяну прямо в руки Сашке. А сам повернулся и пошёл звонить по телефону.

Обезьяна посмотрела на Сашку глубокими, невесёлыми глазами и начала чесаться. Одной лапой она чесала живот, а другой спину. При этом она ещё шевелилась, ёрзала, ни минуты не сидела спокойно. Руки у Сашки сразу затекли от напряжения, он даже вспотел.

– Алло! – гудел в трубку дядя Сёма. – Товарищ администратор? Это я, Симеон Симеонович Зверо! Он самый. Здравствуйте. Вот положение! Ума не приложу! Какой-нибудь выход! Да, да! Нет, нет! Три медведя и четыре обезьяны. Что? Медведя не четыре, а три. А обезьяны не три, а четыре! Хорошо. Заранее благодарен. Жду у телефона.

Дядя Сёма громко сказал: «Уф!»

«А может, это “уф” и не он сказал...» – подумал Сашка, и ему стало немного жутко. Ему показалось, что кто-то копошится в конце коридора.

Тем временем обезьяна перебралась Сашке на плечо. Сашка с трудом разогнул затёкшие руки. Но тут обезьяна полезла выше, прямо к нему на голову. Устроилась там поудобней и, видимо, задумалась. Сашка стоял и покорно ждал, пока она кончит думать.

Вдруг обезьяна, сильно оттолкнувшись от его головы, скакнула на шкаф. Сашка весь покачнулся, как деревянная кегля.

– Блямс!.. – на кухне с полки полетела какая-то кастрюля.

– Плим-блим-блим!.. – задребезжала крышка, затихая на кафельном полу.

– Режим, голубчик мой, режим! – кричал дядя Сёма в трубку. – Для зверей главное – режим. Вы же знаете, какие сейчас звери пошли. Все как один нервные, избалованные. С ложечки кормлю, по часам...

Сашка, замирая, осторожно заглянул на кухню, и сейчас же что-то с хрустом шлёпнулось ему на плечо. Сашка затряс рукой, и яйцо липко шлёпнулось на пол. Посреди кухни он увидел ещё несколько таких же некрасивых яичниц.

Сашка услышал шорох, поднял голову: между кастрюлями на полке сидела ещё одна обезьяна. Она запустила свою длинную лапу в стеклянную банку и ловила там убежавшее от неё яйцо.

Схватив яйцо, она быстро нацелилась в Сашку. Сашка отпрыгнул назад.

В коридоре он чуть не налетел на дядю Сёму. Лицо у дяди Сёмы было красное, нос блестел.

– Племянничек, – позвал дядя Сёма, – фу, в суматохе забыл. Я ведь тебе подарочек привёз. Убьёт меня твоя мать. И будет права, кстати. Сам не знаю, зачем купил. Помрачение ума. Не иначе.

И тут Сашка увидел в руках дяди Сёмы прекрасную охотничью двустволку. Она чуть блестела двумя воронёными стволами. Сверкала серебряной насечкой.

– А тут ещё патронташ и патроны, – с тоской простонал дядя Сёма. – Зачем? Зачем купил?.. Скажи на милость?

– Это мне? – вне себя от счастья пролепетал Сашка. – Ой, спасибо, дядя Сёма!

Дядя Сёма резко прижал ружьё к своей груди.

– Осторожно! Оно заряжено! О, боже мой, зачем я его зарядил? Сам не понимаю... Старый идиот... Пока мы его на стену повесим, я тебя прошу, не трогай его, умоляю тебя, слышишь?

Дядя Сёма, крепко прижимая ружьё к груди, понёсся по коридору в папа-мамину комнату.

«Здорово я наврал про ружьё, – ликуя, подумал Сашка. – Папку разве уломаешь! А теперь всё. Намертво. Подарено, и всё тут. Мне какое дело...»

Но тут кто-то сзади налетел на Сашку. Какой-то большой и лохматый шар. Шар развернулся и превратился в медведя.

Сашка прижался к стене, но в это время его по лицу задел чей-то хвост. Сашка невольно ухватился за этот хвост, но, к его ужасу, хвост остался у него в руке. Сашка с отвращением отшвырнул его, но хвост повис на нём, зацепившись за пуговицу его куртки.

Но тут Сашка увидел, что это вовсе не хвост, а рукав маминой кофты. Синий, в белый горошек. А вся мамина кофта, размахивая другим рукавом, скачет мимо него по коридору. Сашка бросился вдогонку за маминой кофтой.

Мамина кофта влетела в комнату и прямо с пола скакнула на шкаф.

Испуганно заговорила люстра стеклянными голосами. На люстре верхом сидела ещё одна обезьяна и раскачивала её, отталкиваясь от потолка длинной босой ногой. В коридоре зазвенел телефон. Сашка схватил трубку.

«Может, мама?» – с надеждой подумал он. Но это был папа.

– Приехал? А? – нетерпеливо спросил папа.

– Приехал... – почему-то шёпотом ответил Сашка и оглянулся.

– Мм... – затосковал папа. – Ну, дай, дай мне его к телефону.

– А ты скоро домой?

– Не знаю, ничего не знаю. Сажу здесь, вот досада, и жду «Степана». Никто ничего не понимает. Ну давай, давай его...

Сашка передал трубку дяде Сёме. Дядя Сёма заорал в трубку: «Витька! Речной пират! Сколько лет, сколько зим...»

А Сашка пошёл в свою комнату, потому что он услышал из-за двери какое-то странное кряхтение и ворчание. И, предчувствуя что-то недоброе, Сашка открыл дверь.

Глава 6. Конец «Новой Гвинее» и гибель зеркала

Сашка замер. Посреди комнаты сидел большой, очень коричневый медведь.

Он сидел, точь-в-точь как сидят игрушечные мишки на полке в магазине, – растопыбив все четыре лапы.

Медведь наклонил тяжёлую голову набок и что-то жевал. Маленькие глазки хитро поглядели на Сашку.

Медведь глубоко вздохнул, но с удовольствием. Видно, то, что он жевал, казалось ему очень вкусным.

Сашка пригляделся и ахнул. Большое круглое пузо медведя было сплошь усеяно цветами. Из густой шерсти наивно торчали ромашки и колокольчики.

– Мой гербарий!.. – прошипел Сашка. – Я для тебя его собирал, да?

Сашка сделал шаг вперёд и сразу же шаг назад. Кто его знает? Может, он ещё не очень-то дрессированный, этот медведь, может, ещё полудикий.

И тут на полу между расставленными лапами медведя Сашка увидел свой альбом с марками. Вернее, это был уже бывший альбом. Он был весь изуродован и изжёван, смят, изодран в клочья. А тут ещё эта зверюга лохматая, нисколько не стесняясь, опустила когтистую лапу, выдрала ещё одну страницу и преспокойненько запихала её в свою пасть. Зажмурилась и начала лениво жевать.

– Дядя Сёма! Дядя Сёма! – отчаянно завопил Сашка.

Дядя Сёма, потирая красное ухо, заглянул в дверь.

Сашка руками, головой, всем телом показал на медведя.

Лицо Симеона Симеоновича страдальчески сморщилось.

– А... – виновато протянул он. – Не доглядел я... Запутался со всеми делами...

Симеон Симеонович, тихо приговаривая: «Ах, ах, надо ж такому случиться», – поднял с полу альбом с марками. Сгрёб цветы с медвежьего живота. Получился жалкий, печальный букетик.

В коридоре снова зазвонил телефон.

– Это меня! – выкрикнул дядя Сёма и выскочил из комнаты.

Сашка с ненавистью посмотрел на медведя: «Ему-то что. А "Новая Гвинея"? Она, наверное, у него в животе уже переваривается...»

– Это вас, молодой человек, – церемонно сказал дядя Сёма, появляясь в дверях, и поклонился Сашке, – если не ошибаюсь, какая-то барышня.

Сашка взял в руки тёплую телефонную трубку. Она просто здорово нагрелась от уха Симеона Симеоновича. Сердце его сильно забилось.

– Саша, – сказала Катя низким чужим голосом. Но Сашка всё равно её сразу узнал. Катя не выдержала и прыснула.

– Отстань, – шёпотом попросила она кого-то. Наверное, рядом стоял Борька. Конечно, это был Борька, кто же ещё? Они звонили, наверное, из автомата. И стояли рядышком в тесной телефонной будке.

– А, это ты, – ответил Сашка, стараясь говорить холодно и обыкновенно.

– Это кто подходил? – спросила Катя.

– Так, дядя, – с торжеством сказал Сашка.

– Нет, правда? – уже настоящим, своим голосом сказала Катя. – А... звери?

– И звери тут. Где же им быть ещё? – Сашка с трудом сдерживал ликование. – Заходи, Катя, сама увидишь.

– Нет, правда?

Катя замолчала. Сашка услышал её дыхание.

– Мы сейчас на футбол собираемся, – с сожалением сказала Катя и добавила просительно: – А после футбола можно?

– Мне какое дело. Когда хочешь, тогда и заходи.

– А ты на футбол не идёшь?

– Билета нет, – растерялся Сашка.

– А у меня лишний! Хочешь? – вдруг предложила Катя. – Не твоё дело, отвяжись, – свирепым шёпотом мимо трубки сказала она кому-то.

Вот это да! Катя сама приглашала его на футбол. И даже билет предлагала. И это всё при Борьке. Он стоял рядом, конечно, и всё слышал.

– Отчего же, – сдерживая дрожь, тихо сказал Сашка.

– Через полчаса на моём дворе. Идёт?

– Идёт.

Сашка услышал в трубке короткие гудки. Сашка стоял и слушал их. Они, как цепочка, ещё соединяли его с Катей, и ему было жаль класть трубку...

– Ба-ба-бах! Бум! – что-то дико грохнуло и загремело в папа-маминой комнате. Там случилось что-то ужасное. Наверное, там сразу рухнули стены и потолок.

В коридор из кухни, что-то жуя, выбежал Симеон Симеонович. Лицо у него было совсем белое. Чёрные усы на этом белом лице как-то выскочили вперёд. Он, топая, пробежал мимо Сашки. Сашка со всех ног бросился за ним. В дверях они столкнулись и застряли.

Потом их сверху накрыла рычащая, дрожащая тяжёлая шуба.

И так они все втроем – Сашка, Симеон Симеонович и медведь – ввалились в комнату.

В комнате стоял не то туман, не то дым.

С потолка сыпалась извёстка. Острыми кусками, вздрагивая и страшно звеня, падало зеркало.

Посреди комнаты, держа в трясущихся лапах ружьё, стояла обезьяна. В углу с жалобным визгом обнялись медвежата.

Над головой у Сашки, громко хлопая крыльями, закружились жёлтые и зелёные попугаи. Казалось, они вылетают прямо из Симеона Симеоновича.

Попугаи, как слепые, сильно, с размаху, бились о стёкла. В воздухе завертелись жёлтые и зелёные перья.

Обезьяна выронила ружьё, обняла ногу Симеона Симеоновича и, прижавшись к ней всем телом, заскулила, задрав голову кверху.

Дым рассеивался. Белая пыль оседала на пол. С потолка ещё срывались куски штукатурки. Около люстры чернела дыра.

– Нечего сказать, навестил сестру... Двадцать лет не был... – простонал Симеон Симеонович. – Да лучше бы ещё пятьдесят не приезжал... Старый балбес.

Симеон Симеонович яростно постучал себя кулаком по лбу.

«Дурак я, про этих зверей наплёл, – обозлился на себя Сашка. Он не мог смотреть на виноватое и огорчённое лицо Симеона Симеоновича. – И без этого ружья тоже обошёлся бы как-нибудь. Не помер».

– Дядя Сёма, – не зная, чем его утешить, сказал Сашка. – Ничего... Папка всё равно хотел летом ремонт делать. А зеркало...

Сашка запнулся. Он знал, что мама огорчится. Мама считала, что зеркала бьются не к добру, и переживала, даже когда треснуло маленькое круглое зеркальце. А тут такое зеркалище во весь шкаф.

Дядя Сёма всё сопел и вздыхал и даже замахнулся на ни в чём не повинного медвежонка. Медвежонок обиделся и закатился под стол. Ох, до чего же всё нескладно вышло! Хорошо ещё, что Борька про миномёт не поверил.

– Два часа, – вздохнул дядя Сёма. – Кормить их пора. Кашу сварю, что ли.

Дядя Сёма, какой-то постаревший, устало волоча ноги, пошёл на кухню.

А Сашка, так ничего ему не сказав, на цыпочках прошёл в переднюю и вышел на лестницу. Он плотно прикрыл за собой дверь. Не хватало ещё, чтобы эти твари по всему дому разбежались... И бегом бросился вниз.

Глава 7. Билет на футбол

Катя ждала его, нетерпеливо посматривая на ворота.

Она стояла посреди двора на сухом местечке, и солнце освещало её всю. На ней были голубые чулки,

а на голове вязаная шапочка, тоже голубая. Рядом, конечно, Борька. Он со скучающим видом смотрел на голое дерево, разглядывал пустой скворечник.

В сторонке на сырой, раскисшей дорожке стояла никому не нужная Лёлька.

На ней была старая лыжная куртка, ещё Катина, только Катя из неё уже давно выросла, а Лёлька ещё не выросла. Куртка была слишком длинной. Из-под неё торчали Лёлькины ноги, не толще верёвки, с коленками, похожими на узелки, завязанные на этой верёвке.

– Пошли. Только-только успеем, – сказала Катя, и все двинулись к воротам.

Лёлька, шлёпая ботинками, облепленными грязью, и держась на расстоянии, пошла за ними.

Но у ворот Катя обернулась и грозно сказала ей:

– Кому говорят – домой! Не смей за нами!

– Мне кажется, ты её путаешь со своей будущей собачкой, – усмехнулся Борька.

Катя засмеялась:

– Знаю я их, с ними чем строже, тем лучше. А то на шею сядут... Ну, как дядя? – спросила она Сашку и посмотрела на него удивительно светлым глазом из-под чёрной челки.

– Нормально, – сказал Сашка, не зная, что ответить.

Оглянувшись, он увидел, что Лёлька всё-таки идёт за ними, робко, но упрямо. Они сели в троллейбус. Троллейбус был совсем пустой.

Лёлька тоже вскарабкалась с передней площадки.

Через весь пустой троллейбус Лёлька с укором посмотрела на Сашку. И по её оскорблённому и печальному лицу Сашка вдруг точно и ясно понял, что Катя отдала

ему Лёлькин билет на футбол. Этот билет вовсе не был лишним. Это был Лёлькин билет. Сашкино сердце сжалось, словно ему на сердце надели защипку, какими мама на балконе прицепляла бельё к верёвке, чтобы ветер его не унёс.

«Растяпа, – обругал себя Сашка. – Наврал бы Катке, что у меня уже есть билет. Вот где надо – не вру. А где не надо, само врётся».

Чем ближе к стадиону, тем теснее набивался троллейбус людьми. Наконец толстая тётя скрыла Лёльку.

У стадиона все пассажиры сразу вышли. Троллейбус пустой, прозрачный, дребезжа, сделал круг и покатил назад.

Все побежали к стадиону, на ходу доставая из карманов и сумочек билеты. Катя побежала, замелькав голубыми чулками.

Сашка оглянулся. Лёлька стояла у серой стены, маленькая, никому не нужная.

«Я ей марки подарю, гербарий отдам... – страдая, подумал Сашка и тут же вспомнил, что этого уже ничего нет. – Всё равно, я ей что-нибудь хорошее...»

Раздумывать было некогда. Сзади наседали и подталкивали. Контролёрша с досадой самахватила билет из его нерешительных рук. Всё получилось само собой. Сашка стал пробираться вдоль длинных скамеек вслед за Борькой и Катей.

А над полем уже гремел марш и выбегали футболисты: «Водники» в полосатых майках, а «Электросталь» – в красных.

– Ты за кого болеешь? – спросил Сашка у Кати, когда они уже уселись. Борька-то, конечно, болел за «Электросталь». Его отец работал на этом заводе инженером.

– Я болею за победителей, – уверенно сказала Катя. – Противно, когда проигрывают. Но вообще я бокс люблю лучше.

– Смерть побеждённому! – пробормотал Борька.

Сашка сидел рядом с Катей. Он и не надеялся, что когда-нибудь так может случиться в жизни.

Он старался не думать ни о чём плохом. Ни о Лёльке, ни о том, как мама войдёт в квартиру и всплеснёт руками.

«Потом, потом... – думал Сашка. – Это всё после...» Скосив глаза, он видел круглую Катину голову, облитую голубой шапочкой, и чёрную чёлку. Он хотел сейчас от жизни только одного, чтобы «Водники» выиграли. И «Водники», наверное, это знали и потому играли как боги и уже за десять первых минут забили два гола в ворота «Электростали».

Катка ахала, вскрикивала. Щеки её горели, и Сашке казалось, что он чувствует на своём лице их жар. Она даже стучала кулаком по круглой спине какого-то дяди, сидящего впереди. С места вскочил высокий парень. Синяя куртка съехала с его плеч. Сашка увидел полосатую тельняшку.

– Давай, давай, братцы! – заорал он. Широкие плечи в полоску, затылок и ухо показались Сашке ужасно знакомыми.

«Неужели Серёжа-машинист с папиного "Степана Разина"? Папа ждёт в порту. А он, что же, футбол смотрит? Нет, быть того не может».

Парня потянули за рукав, и он сел. «Ошибся», – успокоился Сашка.

В перерыве Сашка кинулся купить себе и Кате мороженое. Тут он опять вспомнил про Лёльку и подумал, что неплохо бы и ей снести туда хотя бы эскимо. Он словно увидел её у стены. Куртку на тонких ножках.

«Да нет, она домой ушла, – подумал Сашка. – Не будет она столько дожидаться».

Дальше стало ещё лучше. Катя даже локтем его пихнула два раза.

Матч шёл к концу, и счёт стал уже 4:0. Борька скис, сидел как убитый и уже ничего не говорил умного. И тут случилось что-то странное.

Сашка увидел, что какой-то человек упрямо пробирается между рядами.

Он нагнулся к кому-то, и тут снова вскочил всё тот же длинный в тельняшке. Тогда уж Сашка точно разглядел, что это Серёжа-машинист со «Степана».

Серёжа, подхватывая падающую с плеч куртку, стал стремительно пробираться к выходу. Он перелезал прямо через лавки, раздвигая людей. А какого-то короткого человечка Серёжа пригнул книзу и перешагнул через него.

Почему-то началась суматоха. Какие-то люди вставали и уходили. Они пробирались между рядами, застилая свет, мешая глядеть. Тут Сашка увидел среди них ещё и Семёныча с папкиного катера.

«И Семёныч тут! – удивился Сашка. – Интересно, а катер куда же они подевали?»

– Наша взяла, – сказала Катя Борьке. Она так и сказала: «Наша».

– О, безусловно, – ответил Борька. – Кто спорит? Но учтите, герцогиня, футбол – игра для тех, кому ноги важнее головы.

– Ну и глупо, – обиделась Катя.

В толпе их стиснули, сжали. Сашка сразу почувствовал себя маленьким. Сидел как человек, смотрел с Катей футбол. А тут он кому-то еле доставал до плеча. Носом его ткнули в чей-то рукав. Вон и Катин помпон торчит у локтя здоровенного дяди.

Вместе с толпой их вынесло на площадь. Сашка незаметно скосил глаза вправо, где они оставили Лёльку.

Лёльки не было. У стены стояла толстая девчонка в красном пальто и лизала мороженое острым треугольным языком.

«Не дождалась...» – сжалось что-то в Сашке.

На остановке один за другим стояли сразу три пустых троллейбуса.

Обычно у троллейбусов тут же началась толкотня, вырастала очередь.

Водители надрывались, прося «остаться на следующий».

И на этот раз кто-то бегом бросился к остановке.

Но таких было только несколько. И они тоже постепенно замедлили бег и растерянно остановились. И все они тоже почему-то смотрели в сторону реки.

– Там! – возбуждённо сказал высокий дядя, протянув руку с портфелем.

– Интересно, – сказала Катька. – Может, задавило кого? Только, если кровь, я смотреть не могу, – добавила она и зажмурилась.

– Хлеба и зрелищ, – пробормотал Борька.

Глава 8. На обрыве

Народ валил вниз с холма. Те, кто постарше, чинно шли по узким тропинкам. Но большинство спускались прямо, как-нибудь, прямо по бесцветной прошлогодней траве. Мальчишки перепрыгивали ямы, где ещё лежал грязный снег с чёрными корочками.

Сверху была видна голубая крыша и столики кафе.

Кафе стояло на обрыве, над самой рекой. Оно так и называлось красиво: «Волна». Круглые жёлтые столики сверху были похожи на блюдечки.

Но никто ничего не пил и не ел. Все толпились на краю обрыва. И те, кто сбегал с холма, старались тоже пробраться к самому краю, и толпа на обрыве всё росла.

– Ну скорей, скорей, – торопила Катя. – Опоздаем к самому интересному. Мальчики, давайте за руки и бегом. Только держите меня, а то я упаду.

Сашка сжал Катину мягкую руку. И они побежали вниз с холма.

Катя визжала. Холодный ветер пел в ушах. Сашка споткнулся, и они чуть не полетели кувырком все трое. Солн-

це нестерпимо блестело посреди реки. Кружилась голова от неба и облаков, которые бежали вверх...

Это было замечательно, только быстро кончилось. Сашка бы согласился бежать с этой горы целый год. Но Катя уже зашевелила пальцами, высвобождая свою руку из Сашкиной руки.

Все толкались, стараясь пробраться поближе к обрыву. Счастливики, стоявшие на самом краю, переговаривались, вскрикивали, ахали.

– Смотрите-ка, смотрите-ка, лежит на боку!

– Ну, голубчики! Ну, распотешили!

– Доигрались!

– За такое по головке не погладят!

– Ай! Ай! Ноги едут! Падаю!

– С ума сошли, граждане, не напирайте!

– Здесь же глина, глина! Мы все попадаем!

– Половодье – вещь очень непростая, – рассуждал хитрый седенький старичок, стоявший перед Сашкой. – За час вода сойти может. А что молодёжь сейчас? Думают, всё сами знают.

– У вас всегда молодёжь виновата!

– А как же, а как же, – оживился, даже обрадовался хитренький старичок. – Посудите сами. Видите, канатом к дереву привязали, а сами куда? Известно куда! В кафе. На футбол. А ответственность где? Вон она!

Старичок с трудом высвободил одну руку и грозно протянул её в сторону обрыва.

– Там что-то интересное, – выходила из себя Катя и пихалась остренькими кулачками.

– Ох, господи, страсть какая... – печально сказала старушка в тёмном платке и подалась назад от края.

Сашка и Катя тут же протиснулись на её место. Сашка вытянул шею, глянул вниз и обмер.

Никогда ещё ему не было так страшно и нехорошо.

Внизу, прямо под обрывом, на узком пляжике лежал на боку «Степан Разин».

Он выглядел жалким и нелепым, лёжа на боку на песке. Голубые буквы так и лезли в глаза, и каждый, каждый мог прочесть: «Степан Разин». Он казался каким-то беспомощным, наверное, оттого, что был виден весь, до самого киля. Торчал гребной винт с прилипшим пучком водорослей. Дверь в каюту была распахнута.

Все вещи лежали кучей, привалившись к одной стене. В темноте белели подушки, на них опрокинутый графин. Книги, сковородка, всё вместе.

Кто-то засмеялся совсем рядом, обдавая теплом Сашкино ухо. Сашка повернул голову, тупо глянул.

Это смеялась Катя. Сашка увидел её сощуренные светлые глаза.

– Ха-ха-ха! – негромко смеялась Катка. Сашка чувствовал, как трясётся её плечо. И каждый звук её голоса с мучительной болью входил прямо в Сашкино сердце.

– Кажется, это транспорт твоего отца, – сказал Борька.

– Надо же! – ахнула Катя и полезла ещё ближе к краю, так что комья сырой глины зашлёпали вниз.

Какой-то парень с гитарой спрыгнул с обрыва и стал танцевать вокруг катера, увязая в мокром песке. Ноги у него были всё время согнуты в коленях. Он так и не разгибал их и от этого здорово походил на обезьяну.

Вслед за ним стали спрыгивать вниз и другие, тоже здоровые, ногастые.

Обезьяний парень перекинул гитару на спину и неуклюже полез на катер. Он лез грубо, будто это была куча металлолома. Цеплялся руками за что попало. Его ноги чертили серые полосы на краске палубы, такой белой, такой свежей.

Он вскарабкался на борт, потопал ногами, прочно ли.

Приложил руки к груди и, кривляясь, закричал глупым голосом:

– Кто-то потерял пароходик! Потерявшего прошу обращаться ко мне. В противном случае находочку считаю своей!

И затопал ногами, заплясал какой-то дурацкий танец. Как он так может? Ведь беда. А они ещё смеются...

– Вон твой отец, – безжалостно сказал Борька.

Сашка стал искать папу глазами. Сашка выглядывал его в толпе, а сердце у Сашки замирало. Его мучил страх, а вдруг папа плачет или рвёт на себе волосы, или стоит, схватившись за голову.

Папа стоял в сторонке. Лицо его было спокойным. И только фуражка лежала около него на земле, и он её не поднимал. Позади него, сбившись в кучу, стояла вся команда катера «Степан Разин».

Серёжа-машинист низко опустил кудрявую голову. Всё было виноватым в его сильной фигуре. И вислые плечи, и опущенные руки, и даже полоски на тельняшке.

Сашка подбежал к папе.

– И ты тут, – рассеянно сказал папа и погладил Сашку по голове, чего не случалось уже много лет. Папа считал, что Сашка уже мужчина и отношения у них должны быть строгие, мужские.

– Виктор Николаевич, – дрожащим голосом сказал Серёжа-машинист, подходя сзади. Лицо у него было багровым. Даже глаза были красными. – Мы что, знали, что вода спадёт? Ну, думали, пришвартуемся тут, футбол посмотрим. Ну, на часок запоздаем. Мы что же, знали, что такое получится? Что ж, под суд, значит, за это?

Визгнув тормозами, около кафе остановилась «Волга». Из «Волги» вышли сразу четверо. Двое военных, строгая женщина в больших очках с толстым портфелем в руке и ещё совсем седенький старичок. У него было доброе лицо и довольно длинная белая борода. Ветер тут же занялся его бородой, и старичок сжал её в кулаке, будто боялся, что она оторвётся и улетит.

Все засуетились, давая им дорогу к обрыву.

Сашка с болью смотрел на их спины, заранее переживая: сейчас они увидят... Сейчас они увидят...

И правда, они подошли к краю да так и замерли. Только седенький старичок не подошёл близко, а, прижимая бороду к пальто, вытянул шею и издали посмотрел на «Степана».

Сашка как-то сразу понадеялся, что этот старичок что-то придумает и поможет.

– Н-да... неприятности... – сказал старичок тонким голосом.

Сашка стиснул зубы. «Неприятности»... Проклятье!

Папа шагнул было к ним, хотел что-то сказать, но высокий военный остановил его холодным жестом.

– Ваше мнение? – обратился он к остальным.

– Крайне сложное положение, – сказал военный пониже.

– Дикость какая-то, – сказала строгая женщина, сняла очки, посмотрела вниз на «Степана Разина» и снова их надела.

– Распущенность. Разгильдяйство.

– Может, применить катки? Смазать салом доски и спускать на воду.

– А как вы его поставите на катки, интересно?

– А домкраты?

– Вы посмотрите, каков грунт! Мокрый, можно сказать, жидкий песок.

– В том-то и дело.

Старичок наклонил голову набок, сунул клочок бороды в рот и пожевал его. При этом лицо его сморщилось, как будто борода была кислой.

– Я скажу вот что. Проще всего оставить катер здесь до следующего года. Весной половодье само снимет его с мели.

- До следующего года?!
- Нечего сказать! Хорошенькое дело!

Папа что-то невнятно пробормотал сквозь стиснутые зубы.

– Ну тогда вот что. Уж вы поверьте моему опыту. Это вам влетит в копеечку – спускать его на воду.

– Может, прорыть канаву?

– Н-да... Вот если бы здесь была железная дорога...

– Да, да. Очень мило. Очаровательно. Я восхищён. Проведите сюда железную дорогу, сделайте тут станцию. Только этого не хватало, – снова сказал старичок. – Я вам говорю: ждать до будущего сезона.

– Папочка... – сказал Сашка, замирая от тоски.

– Иди, иди, – сказал папа.

Сашка не мог этого вынести. Папино лицо просто убивало Сашку.

Он попятился в толпу, продолжая всё глядеть на папу, и налетел спиной на Лёльку. Лёлька всхлипнула. Глаза у неё были заплаканные, маленький острый нос посинел от резкого ветра, дующего с реки.

«А если... – как молния, вдруг мелькнуло в голове у Сашки, – а если ещё раз наврать? Ну, ещё один разок. Ну, самый распоследний... И правда, чего он теряется? До будущего года, говорите? Ладно. Сейчас увидим будущий год...»

Сашка быстро оглянулся по сторонам, схватил Лёлькину руку и сжал её изо всех сил, как-то невольно удивившись, до чего же она худая и тонкая, её рука. Но Лёлька была спасение, упустить её было никак нельзя.

Сашка поволок её за собой. Лёлька сначала немного упиралась, а потом молча и покорно побежала за ним.

Сашка утащил её за голубой павильон. Там один на другом стояли ящики с пустыми бутылками. Сашка припёр Лёльку спиной к ящикам.

– Чего ревела? – быстро спросил Сашка.

– Пароход жалко... – тихо всхлипнула Лёлька. Лёлька стояла перед ним ровненько, как перед учителем, опустив руки, подняв голову, и только мигала. Ресницы от слёз слиплись кустиками.

– Тоже мне! Ревёшь, а сама не знаешь чего, – почему-то шёпотом, наклоняясь к ней, сказал Сашка. – Сейчас прибудет вода. И поплывёт катер... пароход.

– Правда?! – Лёлька попробовала улыбнуться озябшими, посиневшими губами, но уголки рта поползли книзу. – Тебе твой папа сказал, да?

Гул толпы заглушил робкий Лёлькин голос. По-шмелиному гудели мужские голоса. Вскрикивали женщины.

– Ноги заливают! – орал кто-то.

– Люди без мозгов! Скорей, скорей!

– Руку дайте, руку! Чего смотрите? Тащите меня!

– Тону, братцы!

Сейчас было уже не до Лёльки. Сашка обогнул угол павильона, прямо по лужам, шлёпая по густой грязи, бросился к берегу.

Узкий пляжик с шипением заливала вода.

Все, кто там был, подпрыгивали, вскидывали ноги, то-ропливо карабкались на обрыв, срывались. А волны настигали их, обдавая мутной пеной.

Обезьяний парень, переступая ногами по голубому борту, в растерянности глядел на поднимающуюся воду. Наконец он решился и спрыгнул, жалобно тренькнув гитарой.

Вода пришлась ему уже выше колен. Отчаянно вскрикивая при каждом шаге, парень бросился к обрыву и полез вверх, измазав глиной мокрые брюки.

«Так тебе и надо», – подумал Сашка.

А вода всё прибывала. Мутные волны бурлили, поднимаясь всё выше. Катер ожил, шевельнулся, как живой.

Сашка отыскал глазами папу. Тот стоял над самым обрывом да так и впился глазами в катер. Сзади, разинув рот от восхищения, на него навалился Серёжа-машинист.

– Фантастика! – прошептал высокий военный.

– Однако предвижу неприятности, – прошамкал маленький старикашка и закашлялся, подавившись своей бородой. – Откуда вода? Впрочем, в любом случае это ничуть не снимает ответственности с тех...

«Противный...» – подумал Сашка.

«Степан Разин», голубой с белым, красивый, как всегда, покачивался на воде. Волнение сжало Сашкино горло, что-то зашевелилось в носу, защипало глаза.

Вся команда по одному перебралась на катер. И папа прыгнул тоже, так и не приняв протянутую ему руку Серёжи. Сердится на него, значит.

Но Сашке хотелось только одного, чтобы они поскорее уехали, убрались подальше от этой глазающей толпы.

«Уплывайте! Уплывайте!» – приказывал им про себя Сашка.

Так и случилось. Мотор затарахтел, запыхтел, и катер отвалил от берега.

У Сашки внутри всё ещё дрожало. Он глядел, как «Степан Разин» уплывает, уменьшается и из голубого с белым превращается в серую точку на серой воде.

Глава 9. По пустым улицам

Когда Сашка немного пришёл в себя и оглянулся, на обрыве уже никого не было. Только несколько человек с красными озябшими носами сидели за столиками в кафе и глотали горячие сосиски. Они обнимали стаканы с кофе двумя руками и грели об них пальцы.

Серая туча прикрыла солнце, и с реки дул пронзительный сырой ветер.

Сашка медленно пополз в гору.

Ветер налетал злыми порывами, подгонял его, продувал насквозь, будто Сашка был весь в дырочках. Сейчас бы поесть и нырнуть в постель, под одеяло. И ещё, чтобы мама посидела рядышком...

Сашка вскарабкался наверх. Небо стало совсем серое и навалилось на площадь.

У остановки стояла очередь длиной в километр. Где-то впереди он увидел Катьку в голубой шапочке. Катька вертела головой: может, его высматривала?

Сашка спрятался за высокого дядю в мохнатом пальто. Ехать домой с Катькой ему почему-то не хотелось. Ему даже смотреть на неё не хотелось.

Ждать пришлось долго. Очередь сжималась, растягивалась, как резиновая, но народу не убывало. Потому что ни один троллейбус так и не подъехал к остановке.

Стоявшие впереди зашумели, заволновались. Вдоль очереди бежала женщина в расстёгнутом пальто, обмахивая разгорячённое лицо сдёрнутым с головы платком.

– Не будет вам троллейбусов, не будет! – с трудом переводя дух, кричала она.

– Как не будет? – крикнул кто-то из очереди и засмеялся. – А что будет?

Женщина остановилась.

– А ничего не будет! Авария на электростанции, ясно? Нету вам электричества. Добирайтесь теперь как желаете.

– А-а... – протяжно вздохнул кто-то позади Сашки. – Вот она откуда, водичка. Чудес-то на свете не бывает. Верно, плотину прорвало. Ну, конечно, не иначе.

Сашка замер. Он стоял и не шевелился, только сердце глухо стучало в груди.

Вдруг Сашка вырвался из очереди и бросился бежать. Он расталкивал людей, на кого-то налетал, как слепой.

– Видали ненормального! – сказал знакомый насмешливый голос. Похоже, что Борька. Теперь всё равно...

Сашка наискосок пересёк площадь. Он бежал изо всех сил, напрягая ноги, с отчаянием отталкиваясь от земли.

Вот оно! Вот оно какое, враньё! Прилипло к нему. И что не соврётся, всё хуже и хуже. К маме! К маме скорей! А что мама? Всё равно, скорей домой.

– А-а... – простонал Сашка. Он вдруг понял. Мамы дома нет. Она же на электростанции, ясное дело. Раз там авария, её туда вызвали.

Сашка бежал по длинной улице.

Троллейбусы стояли пустые, мёртвые, в них было темно.

По рукам и по лицу полоснул ледяной дождь. Асфальт вокруг почернел. Но дождь сразу кончился. Только громоздкие тучи ползли быстро и низко, цепляясь лиловыми лохмотьями за крыши.

Дома стояли тёмные, неживые. Они смотрели на Сашку глубокими, чёрными окнами. Ни в одном доме не горел свет.

Сашке стало страшно. Шаги его звучали как-то слишком громко и гулко в тишине. Ему показалось, что за ним кто-то бежит. Оглянулся. Никого не было.

«Это моё вранье за мной бежит, – вдруг подумал Сашка. – Гонится за мной».

Дальше бежать не было сил. Он прислонился к столбу.

Сухие рыдания с болью вырывались из груди. Сашка затрясся, обняв руками столб. Спинай почувствовал – кто-то стоит позади. Оглянулся. Позади стояла Лёлька и молча смотрела на него.

Сашка даже не удивился, будто так и должно быть. Даже не вытер мокрых щёк. А, пусть смотрит... Он тут же забыл о ней и бросился бежать.

Но когда, задохнувшись, остановился на углу, то опять увидел её рядом с собой.

– Оставь меня. Брось. Всё равно отстанешь, – еле дыша от усталости и отчаяния, сказал Сашка.

– Не... – прерывисто прошептала Лёлька, глядя на него, – я привыкла... Я всё время бегаю... От Гришки... От мальчишек... От Катьки... Привыкла...

Они побежали рядом. Сашка бежал изо всех сил. В горле пересохло, жгло и остро кололо в боку.

Сашка остановился около голубого киоска. Стекло окоска было закрыто. В киоске слабо просвечивала тётя в белой наклке. Сироп в банках казался чёрным.

– Воды... газировки... Два стакана, – хрипло попросил Сашка.

Тётя приблизила лицо к стеклу. Её нос расплющился о стекло, побелел.

– Тоже мне. Чего захотел. Воды ему! Нету воды! – сердито сказала она. Она посмотрела на Сашку, потом на Лёльку. Её лицо вдруг смягчилось, и она открыла окошечко.

– Чистого сиропу налью, что ли, – устало предложила она.

– Как нету воды? Почему нету воды? – даже как-то жалобно спросил Сашка.

– Плотину прорвало, говорят. Во всём городе водопровод не работает.

Продавщица пригорюнилась и вдруг пожаловалась, не то Сашке, не то банкам с сиропом.

– А у меня дома стирка не стирана и обеда нет.

Сашка отскочил от киоска.

Уже и воды нет! Докатились. Ещё разок соврать, и всё полетит вверх тормашками! Весь город! Да что там город! Всё! Нет, не домой... Надо к Волшебной энциклопедии прорваться! Во что бы то ни стало. Как он сразу не додумался? Там же сказано: «О, несчастный...» Это я несчастный! «Если ты, сгибаясь под тяжестью вранья...» Это я, я сгибаюсь! Ну да, там сказано: «Если ты захочешь, чтобы всё было как прежде...» Хочу! Хочу!

Сашка снова бросился бежать. Он бежал, забывая о Лёльке. Но когда силы оставляли его и он, задыхаясь, переходил на шаг, он опять видел её около себя. Лёлька не отставала, бежала, как будто была сделана из одних ног.

Они бежали по тёмным, опустевшим улицам. Ноги у Сашки подгибались, подошвы горели.

Около тротуара стоял грузовик. Сашка последним усилием добежал до него, остановился, привалившись к нему грудью. Капот машины был поднят, шофёр стоял согнувшись, что-то подкручивал там и вздыхал.

– Дяденька, подвезите меня, – измученно попросил Сашка. – Вам в какую сторону? Мне вон в ту... Мне очень надо...

Шофёр поднял голову. Он был весь рыжий. Глаза тоже были рыжие. И губы тоже. Губы невесело улыбались.

– Воды в радиаторе нет. Всё, парень. Теперь загорать тут будем.

– Бежим, бежим! – подскакивала рядом Лёлька. – Ещё немножечко.

Лёлька, конечно, ничего не знала. Откуда ей. Но каким-то чутьём понимала – надо бежать. Догадывалась, что беда.

Они пробежали ещё несколько длинных улиц. Улицы удлинялись, дома вытягивались, не хотели кончаться. Как Сашка ни старался, он останавливался всё чаще. Ноги у него просто отваливались. Один раз, пошатнувшись, он даже ухватился за Лёльку и почувствовал под рукой хрупкие косточки плеча. Ещё совсем цыплячьи.

Наконец выбежали на площадь. Отсюда до Катькиного дома, до её злополучного чердака было уже рукой подать.

Из-под низкой тёмной тучи вдруг выбились тяжёлые красные лучи заходящего солнца. В доме напротив слепым огнём зажглись окна.

– Немножко, ещё немножко... – лепетала рядом Лёлька. – Ещё немножечко...

Сашка побежал напрямик через площадь, Лёлька несмело, холодными пальцами ухватила его за руку. Сашка влетел в поток машин.

Зашипев шинами, резко остановилась голубая «Волга». Пассажиров качнуло вперёд. Кто-то приглушённо вскрикнул.

Справа что-то громко загудело. Слева с треском и щёлканьем вильнул в сторону мотоцикл.

Откуда-то посыпались яблоки, запрыгали по мостовой. Строго, требовательно засвистел милиционер. Но Сашка был уже на середине площади.

«Не догонишь...» – подумал Сашка. Вдруг Сашка увидел, что навстречу ему кто-то бежит. Да ещё тащит за собой кого-то.

Солнце ослепляло Сашку. Он не мог разобрать, кто это. Он вильнул влево, потом вправо. Тут он разглядел по юбке, по каблукам, что навстречу ему бежит женщина.

Он попробовал обежать её. Но женщина сделала прыжок и, застывая солнце, надвинулась на него. В Сашино плечо железной хваткой вцепилась её рука.

Сашка поднял голову и обомлел. Это была она, Гришкина тётка, зубной врач.

– Наконец-то изловила тебя! – задыхаясь, проговорила она. – Разбойник! Мальчику моему, Гришеньке, нос разбил. Думал, убежишь? Я из дома выскочила, так даже пальто не надела...

Глава 10. Гришкина тётка зубной врач

Это были знакомые, знакомые слова... Сашка мгновенно всё вспомнил.

Да, Катя и Борька сидели на скамейке. Он вспомнил Катин взгляд из-под чёрной чёлки. Как нестерпимо хотелось ему тогда казаться ей сильным и неустрашимым! И вот как всё это теперь обернулось...

Гришкина тётка была в лиловом платье и в фиолетовой шляпе. На шее у неё болтались белые бусы, и каждая бусина была похожа на выдранный зуб.

Она мучительно, со свистом дышала, тяжело отдуваясь, её хищные глаза сверкали.

Она тащила за руку своего племянника Гришку. Гришка упирался, и от этого его рука казалась очень длинной. А другой рукой он закрывал свой нос.

Сашка даже не сразу узнал его. И вовсе не потому, что Гришка закрывал нос. Он бы узнал его и сзади,

и сбоку, и как угодно. По его знаменитой походке. По его самой длинной чёлке во всём районе. Ну, просто потому, что это был Гришка. Воинственный и неуязвимый, которого нельзя было не узнать или с кем-нибудь спутать.

Но теперь это был как будто и не Гришка. Он весь съёжился, поник. Стал обыкновенный, такой же, как все другие.

– Изловила тебя, – с трудом выговорила Гришкина тётка. В голосе её было торжество и изнеможение. – Попался-таки, голубчик.

На её задыхающийся голос какие-то люди обернулись. Кто-то остановился, глядя на них.

– Ты меня, милый, сегодня на десять лет состарил. Себя не пожалела, но изловила!

Вокруг них стала собираться толпа. Но Гришкиной тётке только того и надо было.

– Видите! Видите! – возбуждённо говорила Гришкина тётка, оглядываясь по сторонам и яростно тряся за плечо Сашку.

– Вы только посмотрите, что он сделал с Гришей?! – она подтянула Гришку к себе поближе. – Мальчик мой! Ходил себе тихо по двору. Никому ничего худого не делал. Никого не трогал. А этот хулиган ни с того ни с сего подскочил и... Я сама из окна видела. Григорий, покажи нос!

Но Гришка не хотел показывать нос.

– А-а... – прорычала Гришкина тётка. Она не знала, как быть. Она боялась хоть на минуту выпустить Сашку. Но выпустить своего племянничка она тоже не решалась. Ей явно не хватало третьей руки. – Григорий, покажи нос, кому говорю!

Но Гришка только, как черепаха, втянул голову. Тут Гришкина тётка ловко перехватила Гришку за другую руку и стала пригибать её книзу. Гришка сдался. Он закрыл глаза и покорно выставил нос вперёд.

Нос был как нос. Ну, красный. Ну, распухший. Подумаешь. Сашка и не такие носы видел на своём веку. Но Гришкина тётка просто из себя выходила, глядя на этот нос.

Властно раздвинув толпу, к ним подошёл милиционер.

– Ты что правила нарушаешь? – строго спросил милиционер и положил руку на другое Сашкино плечо.

– Так этот хулиган ещё и нарушитель! – с наслаждением воскликнула Гришкина тётка. – Я предчувствовала это... да...

«Сцапали...» – безнадёжно подумал Сашка. Рука милиционера тяжело лежала на его плече. Рука Гришкиной тётки была полегче, но твёрдые её пальцы так и впились в Сашкино плечо. Они, как корни, прорастали в него всё глубже и глубже.

«Это всё из-за вранья проклятого... Из-за него. А может быть, можно всё... назад наврать? Так, как будто ничего и не было?»

– А зато плотину не прорвало! И моя мама дома! – вдруг ни с того ни с сего отчаянно заорал Сашка.

– Твоя мама на работе, – сказал неизвестно откуда появившийся мамин сослуживец Михаил Петрович. Он устало

вздыхнул. – Там такое творится... Просто водопад. Так что твоя мама специально просила меня забежать к вам и передать, что останется до утра. Так-то. Иду я и как раз вижу – ты...

– Врун! Врун! Врун! – в восторге закричала Гришкина тётка, встряхивая Сашку. – Он ещё и врун!

– А у меня зато дома зверей нет! И зеркало не разбито! – ещё отчаянней закричал Сашка.

Все посмотрели на него как на сумасшедшего.

– Комик, – сказал какой-то добродушный парень и покрутил головой. – Во даёт!

– Как тебе не стыдно, Кукушкин! – с укоризной сказала учительница Анна Семёновна, появляясь из-за плеча милиционера. – Я только что была у тебя дома. Познакомилась с твоим дядей. Боже, в каком состоянии ты держишь свою комнату. Но это отдельный разговор. Мы навели хоть какой-то порядок, накормили зверей и убрали осколки зеркала...

Сашка затравленно оглянулся. Вокруг него стояли люди и смотрели на него. И как будто держали его своими взглядами.

– Пустите меня! – взмолился Сашка. – У меня беда! Пустите же!..

– Беда? – переспросил милиционер. – А именно? Точнее!

– Нет у него никакой беды! Что вы его слушаете? У него опять какое-нибудь хулиганство на уме! – зашипела Гришкина тётка. Она и второй рукой вцепилась в Сашку. Теперь она уже совсем завладела им.

– Мне к энциклопедии надо! К Волшебной! А то вы все пропадёте! Пустите меня... – в отчаянии закричал

Сашка, уже плохо соображая, что он кричит.

Сашка увидел Лёльку. Она изо всех сил вцепилась в железную лапу Гришкиной тётки и по одному отгибала её пальцы. Он увидел Лёлькины глаза, стиснутые зубы и пустоту в том месте, где не хватало двух верхних зубов. Гришкина тётка локтем отшвырнула Лёльку.

«От милиционера я ещё вырвусь, а от этой – нет, никогда... – мелькнуло в голове Сашки. – Её не упросишь».

Сашка втянул в себя воздух.

– Пожар! – вдруг заорал Сашка что было силы. Он даже присел немного. – Тётя! Ваш дом горит!

Всё застыло на мгновение. Люди, машины, ветер. Потом все головы разом повернулись в одну сторону.

– Батюшки! – низким голосом завопила Гришкина тётка. – Горим! Горим!

Руки Гришкиной тётки медленно разжались. Сашка шевельнул плечами, почувствовал: свободен!

– Милые, горим! – закричал ещё кто-то.

– Тётя! – заорал Гришка.

Теперь никто не глядел на Сашку. Всем было не до него.

Сашка бросился бежать прямо к Катиному дому. Он бежал в толпе людей. Перед ним мелькали подошвы, двигались спины, работали локти. Сашка обогнал учительницу

Анну Семёновну. Поднажал и обогнал маминого сослуживца Михаила Петровича.

Теперь впереди были только Гришкина тётка и милиционер. Они бежали рядышком. Впереди всех неслась легконогая Лёлька.

Вдруг Сашка остановился. Кто-то налетел на него, охнул и пробежал мимо. Люди обегали его с двух сторон. Толкали, поворачивали. Сашка остался один посреди улицы. Топот, испуганные крики, вопли удалялись.

А он всё стоял как вкопанный и в ужасе смотрел на Катин дом. Над его островерхой крышей поднимались, медленно разрастаясь, страшные, чёрные клубы дыма.

Что он натворил! Он совсем забыл, что Гришкина тётка жила в Катин дом. И теперь горел Катин дом. Горел Катин чердак, где под досками среди пыли и хлама лежала Волшебная энциклопедия. Что он наделал?

Мимо Сашки с тревожным воем пролетели четыре красные пожарные машины.

Сашка застонал и снова бросился бежать.

Глава 11. Горим!

Вдоль всего забора плотно стояла толпа людей. Спины красные, серые, коричневые и в полоску громоздились одна на другую.

Сашка попробовал втиснуться между ними. Куда там! Спины, плечи, локти – всё это отпихивало его, отталкивало, не пропускало. Тогда в полном отчаянии Сашка встал на четвереньки, нырнул между чьими-то ногами и пополз по земле.

Здесь было темно и сумеречно, как в лесу.

Над ним качались и гудели голоса.

– Сгорит!

– Весь сгорит!

– Да ну?!

– Что там пожарные еле шевелятся? Как сонные мухи!

– Сам попробуй! Без воды. Языком-то каждый горазд!

– Хорошо, если один сгорит! Не перекинулось бы!

– А сзади-то дом деревянный!

– А сарай?

– Батюшки, ветер-то какой! Так и дует, проклятый!

На наш дом несёт!

– Как бы всё не сгорело!

Сашка пополз быстрее. Он судорожно продирался через этот лес разных ног. Отдавил ногу какой-то тётке. Что-то холодное шлёпнуло его по щеке. Это была сетка, в которой лежала ощипанная курица с закрытыми глазами.

Сашка рванулся в сторону. Попробовал пролезть между двумя толстыми тётями, но оказалось, что там стоит ещё какой-то совсем сплюснутый малыш. Малыш улыбнулся ему и погладил по спине лопаткой.

Сашка уже не понимал, в какую сторону ему надо ползти. Ноги в брюках. Ноги в чулках. Коробка с тортом. Сапоги. Что-то вонзилось ему между лопаток. Зонтик! Нет, конца этому не будет!

Сашка в отчаянии боднул головой чей-то портфель и вдруг вырвался прямо к забору.

Сашка прижался к нему грудью. Схватился за него руками, прильнул глазом к щели.

Что творилось на тихом Катином дворе! Там стояло, наверное, штук десять машин, если не больше. Бегали

пожарные с огнетушителями в руках. С красных машин, дрожа, поднимались серебряные лестницы.

Двери дома поминутно распахивались, и оттуда выбегали люди, держа в руках разные вещи.

Из дома выбежала старушка, прижимая к себе клетку, в которой трепыхалась какая-то птичка. За ней выбежала другая старушка, обнимая руками фикус.

«Может, ещё не поздно? – в тоске подумал Сашка. – Всё дым, огня-то не видно. Может, я успею, схвачу книгу – и назад».

Сашка, расталкивая людей, стал протискиваться к калитке. Но там, беспощадно перегородив вход длинной рукой, стоял милиционер и никого не пускал во двор. А около него Сашка увидел ещё несколько милиционеров.

Тут Сашка вспомнил про дыру в заборе. Он вообще-то редко ходил в калитку, он чаще пользовался этой дырой. Вряд ли её тоже охраняли милиционеры.

Сашка бросился назад, опять расталкивая людей, пихаясь локтями.

– А, посмотреть не даст!.. – с досадой сказал толстый дядя с портфелем. – То ползает, то бегают...

Сашка побежал вдоль забора. Вот она дыра. Двух досок не хватает.

Сашка сунул туда голову и увидел синие брюки. Дыру тоже охраняли. Милиционер был высокий-высокий, как башня, и безнадёжно строгий.

– Дяденька милиционер, – измученно зашептал Сашка. – Пустите меня, а? Мне очень надо. Дяденька милиционер... что вам, жалко?

Слёзы закипели у Сашки на глазах и потекли по щекам. Он так и замер, глядя снизу вверх на милиционера.

– Что ты, что ты... будет тебе... – даже как-то испуганно сказал милиционер и присел на корточки рядом с Сашкой.

Сашка тупо удивился. Он никогда не видел, чтобы милиционеры сидели на корточках.

– Ты что, тут живёшь?

– Ага... – вне себя проговорил Сашка. – Ага...

– Маму ищешь? – с сочувствием спросил милиционер. Сашка быстро закивал головой.

– Иди, поищи, – сказал милиционер. – Да не дрожи так... Никуда твоя мама не денется, тут где-нибудь. Только, слышь, к дому не подходи.

Милиционер снизу подхватил Сашку одной рукой и помог ему пролезть через дыру. Сашка встал. Его качало. Он пошёл к дому, но нарочно повернул голову в сторону, незаметно убыстряя шаги. Милиционер стоял и неподвижно глядел на него. Сашка проскочил между двумя машинами и вильнул к дому.

– Куда? – закричали сзади.

В подъезде горько и страшно пахло дымом. Мимо Сашки вниз по лестнице бежали люди. Сашка слышал над головой топот маленьких башмаков по ступенькам. Навстречу Сашке, не видя его, бежала Лёлька.

Лёлька прижимала к груди большую лысую куклу. Одна рука

у куклы болталась на нитке. А глаза всё время со стуком закрывались и открывались.

Лёлька пробежала мимо, совсем слепая от слёз. Жалость, тоска сдавили Сашке грудь.

– Лёлька... я так не хочу... – зашептали его губы бессмысленные слова. – Не надо эту куклу... Я не знал... я не буду...

Сашка, напрягая последние силы, бросился вверх по лестнице.

Вдруг Сашка остановился, и нога его повисла над ступенькой. Потом медленно, потрясённый, он стал пятиться назад.

Сверху, под бормотание, рычание, повизгивание, как под звуки какого-то дикого, нестройного оркестра, спускался Симеон Симеонович со всеми своими зверями.

«Как его занесло сюда? – мелькнуло в голове у Сашки. – В гости ходил, что ли? И зверей взял?»

Вокруг Симеона Симеоновича пышно колыхался густой дым. Все четыре обезьяны обняли его за шею, и казалось, что у Симеона Симеоновича пять голов. В руках он нёс медвежонка, да ещё подпихивал ногой большую медведицу, которая, переваливаясь, неуклюже спускалась по ступенькам.

И тут Сашка просто обомлел. Позади Симеона Симеоновича шла Сашкина мама. Она неловко прижимала к себе коричневого медвежонка. А медвежонок испуганно вырывался и отпихивался короткими, толстыми лапами.

Губы у мамы дрожали, она была бледна.

– Ничего... – немного задышавшись, проговорила мама. – Вещи – дело наживное... Как-нибудь проживём...

– Как-нибудь, Маша... – с натугой сказал Симеон Симеонович, покачиваясь под тяжестью обезьян. – Потушат, авось всё не сгорит...

У мамы от дыма слезились глаза. Она старалась вытереть мокрую щёку о плечо и не заметила Сашку. К тому же в это время между ней и Сашкой оказалась большая медведица да ещё нога Симеона Симеоновича, подталкивающая медведицу.

«Почему у нас всё сгорит? – подумал Сашка. – Ведь не наш дом горит...»

– Ой! – Сашка повернулся и упёрся лбом в холодную пыльную батарею. – Это я тому дяденьке милиционеру наврал, что тут живу. И теперь мы и вправду тут живём. Я же ему только «ага» сказал. От одного «ага» такое вышло. Значит, даже кивнуть головой нельзя. Да что же это? Всё хуже и хуже!..

Навстречу ему бежали какие-то люди, что-то крича и кашляя. То чья-то рука, то голова, то круглая каска пожарного высывались из дыма.

Все люди бежали только вниз, вниз, вниз, и только один Сашка бежал вверх. И от этого ему стало совсем страшно.

А дым становился всё гуще. Он выедал глаза. Жёг в груди.

– Эй, Степанов, людей больше нет? – закричал снизу чей-то голос. – Проверить по всем квартирам!

Сашка зажал нос и рот. Зажмурился. Хватаясь за перила, он подтягивал себя кверху, с трудом преодолевая каждую ступеньку, расталкивая плотный и горячий дым.

– Немножко, ещё немножко... – вспомнил Сашка, и перед ним проплыло Лёлькино лицо с испуганными и сострадающими глазами.

Перила кончились. Не открывая глаз, он, как слепой, стал шарить вокруг себя, стараясь нащупать дверь на чердак.

Вот она! Доска качается – значит, она. Раскалённый тяжёлый дым ударил в лицо.

На чердаке творилось что-то невероятное. Там в глубине что-то трещало и ухало. Даже сквозь зажмуренные веки Сашка почувствовал что-то красное, движущееся, огненное.

– Книжки, книжечки! – беспомощно позвал Сашка, будто эти книжки были щенятами и могли сами подбежать к нему.

Сашка протиснулся в дверь, уже ничего не чувствуя, кроме невыносимого, палящего жара. Сноп искр ослепил его. Он задыхался.

Он не мог не дышать. Но дышать было нечем. Он открыл глаза на мгновение и увидел охваченный огнём сундучок. Увидел остро, чётко, ясно освещённую огнём каждую щель. С гудением из него било пламя.

Сашка глотнул жгучий, набитый искрами дым. Голова закружилась. Больше нельзя было ни дышать, ни жить...

И Сашка, протянув руки, плашмя упал на горящий сундучок.

Глава 12. Здравствуй, двойка!

Сашка открыл глаза. Он сидел на чердаке около окна, и острый свежий воздух овеивал его лицо.

Сашка ещё плохо понимал, где он. Он только с жадностью смотрел на окошко «кошачий глаз», на косо повисшую раму, на солнечный луч, наполненный цветными пылинками.

Сашка осторожно повернул голову. Он ещё боялся вспугнуть всё это, боялся, что всё исчезнет: и чердак, и куча старого хлама, и тишина. Он чуть наклонил голову и скосил глаз. Сундучок. Он сидел на сундучке.

На коленях у него что-то слабо шевельнулось.

На коленях у него лежал раскрытый дневник. Сквознячок пролез между листами и перебирал их. Сашка с трудом разжал затёкший, судорожно сжатый кулак. С ладони спрыгнул ластик, упал на пол и упруго скакнул в темноту.

Сашка глянул в дневник. Двойка! Двойка! Милая! Живая и здоровая! Стоит себе как ни в чём не бывало, будто её никто и не стирал резинкой.

Безумная радость охватила Сашку. Значит, всё! Значит, ничего и не было! Ни пожара, ни аварии, ни «Степана Разина», лежащего на боку. Ничего, ничего!..

Сашка вскочил на ноги. Ура! Он затанцевал по чердаку, и луч солнца замутился от клубов пыли. Какое счастье! Ну и пусть папа посердится. Пускай даже ремнём... Переживёт он это. Пусть он не поедет с классом на катере. Не поедет с Катей...

Сашка вспомнил светлые сощуренные глаза Кати. Как она засмеялась там, на обрыве, когда со «Степаном Разиным» случилась беда.

И вдруг Сашка понял, что хотя этого теперь как будто и не было вовсе, он никогда не забудет этот смех.

Тяжёлая туча стала наползать на солнце. На чердаке сразу же потемнело. Чернота надвинулась на солнце. И вся куча старья опять показалась таинственной и странной.

«Почему же кончилось волшебство? – подумал Сашка. – Я тогда не разобрал до конца, что там было...»

Ему не хотелось даже прикасаться к Волшебной энциклопедии. Он наморщил лоб, вспоминая:

Мне свидетель звёздный Лев!
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жи... не жа...
И себя преодо...
Смо... сно... всё... на...

И вдруг буквы сами собой подставились, и Сашка как-то легко и просто понял, что там было написано.

Мне свидетель звёздный Лев!
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жизни не жалея
И себя преодолев,
Сможешь снова всё начать!..

Сашка разгрёб пыльный хлам и сунул сундучок в самую глубину. Завалил досками, припёр сломанным велосипедом, а сверху ещё положил стул.

Тут уж её никто не найдёт. Эта Волшебная энциклопедия – опасная штука. Ещё попадёт в руки какому-нибудь Гришке. Он чёрт-те что натворит.

– Пусти! Я тебя трогала, да? – раздался со двора тонкий плачущий голос.

Сашка выглянул в слуховое окошко. Ну, так и есть: Гришка сцапал Лёльку. Он обмотал вокруг кулака её косичку – крысиный хвост – и медленно, безжалостно подтягивал её к себе. Лёлька старалась вытянуть косу из его кулака, и лицо её сморщилось от боли.

И тут Сашка понял, что он ударит Гришку. Сейчас сбежит вниз и ударит его. Изо всей силы. Что бы потом Гришка с ним ни сделал. Всё равно. Он будет драться с Гришкой до последнего.

– Ты что делаешь? – яростно заорал Сашка, наполовину высовываясь

из окна. – А ну, пусти её! Зубы тебе мешают? Так я их тебе сейчас пересчитаю!

Гришка в изумлении поднял голову и застыл. И Лёлька подняла кверху бледное маленькое лицо. И на лице её был только испуг, никакой радости.

– Вот ненормальный, – сказал Гришка, сплюнул, выпустил Лёлькину косичку и пошёл к калитке. Вид у него был такой, что ему просто лень связываться с Сашкой, что у него есть дела поважнее.

Но Сашка видел, что Гришка идёт чуть-чуть быстрее. Совсем чуть-чуть. Самую малость. Но всё же торопится.

Сашка был мальчишка. И он прекрасно понимал, что это значит.

Его так и обожгло изнутри жаром от гордости.

Сашка выкарабкался на лестницу, приладил доску на место и побежал вниз.

Он думал о том, что, когда он уже исправит эту двойку и дома все забудут о ней, он очень попросит маму, чтобы она забрала к ним Лёльку.

Похоже на то, что она там никому не нужна. А если даже они не отдадут им Лёльку, то всё равно: пусть только попробует кто-нибудь её тронуть, пусть только попробует.

СОБДИМ
Абонемент

Оглавление

Глава 1. Сундучок	3
Глава 2. Великое разочарование	12
Глава 3. Пятёрка по математике	14
Глава 4. Надо ещё подумать, о чём врать	20
Глава 5. Дядя Сёма	31
Глава 6. Конец «Новой Гвинеи» и гибель зеркала	37
Глава 7. Билет на футбол	42
Глава 8. На обрыве	48
Глава 9. По пустым улицам	57
Глава 10. Гришкина тётка зубной врач	63
Глава 11. Горим!	68
Глава 12. Здравствуй, двойка!	75

Литературно-художественное издание
для младшего школьного возраста

Прокофьева Софья Леонидовна

На забытом ЧЕРДАКЕ

Художественный редактор *Е. М. Володькина*
Технический редактор *Н. А. Кромплас*
Компьютерная верстка *Е. В. Фроловой*
Корректор *М. В. Серебрянцева*

Подписано в печать 10.08.2020. Формат 70×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro. Усл. печ. л. 5,85.
Тираж 2000 экз. Изд. № 1855. Заказ № А-2127.

В соответствии с ФЗ № 436 от 29.12.2010 маркируется знаком 6+.

АО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>

facebook.com/enas.kniga
instagram.com/enas.kniga
vk.com/enas.kniga
ok.ru/enas.kniga

ЕНА

Отпечатано в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА» «ПИК "Идел-Пресс"»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ISBN 978-5-91921-889-0

9 785919 218890